

Король на горе

Автор:

Александр Мазин

Король на горе

Александр Владимирович Мазин

Викинг #7

Как поступает викинг, которого оскорбили и унизили? Он мстит. А если оскорбитель намного сильнее? Если он ищет лишь повод, чтобы уничтожить тех, кто больше не нужен. Что делает викинг? Он мстит.

Ульф Хвити, викинг и вождь викингов. Он отомстит. Но сначала ему нужно выжить. И еще неплохо бы понять, по каким правилам играет со своим любимцем Госпожа Удача.

Александр Мазин

Викинг. Король на горе

© Мазин А. В., 2018

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1. В которой Ульф и его команда в полной мере прочувствовали смысл слова «обидно»

– ...А теперь я хочу наградить... – Конунг Хрёрек, то есть теперь уже – Рюрик, князь ладожский, наконец-то повернулся к нам.

Дождались, стало быть. Напоследок нас приберег. И это правильно. Никто из присутствующих не вложил в эту победу больше нас.

А присутствующих – до фига. В палате – не протолкнуться. Полный дружинно-боярский сбор. Люди Гостомысла. Люди Рюрика, к числу которых относимся и мы. Непричастные к победе, но обрадованные ею зрители из местной элиты. Атмосфера – торжественней некуда. Дележ добычи и распределение наград.

Добыча изрядная, надо отметить. Тут и немаленькая казна побежденного Водимира. И имущество его ближников. Города, городки, сопредельные и подданные территории. Все это теперь принадлежит Рюрику и его соправителю Гостомыслу Ладожскому. Основной конкурент повержен в прах. Если что-то и омрачает радость князей-победителей, то это отсутствие среди трофеев самого Водимира.

Это я его отпустил. Вернул, так сказать, должок. Но об этом никто не знает, кроме пары моих людей. А Рюрик пусть думает, что я Водимира не догнал. Так мне спокойней. Тем более он и без Водимира мне должен. Если бы не мои славные парни, победы ему, скорее всего, не видать. А если бы и управился, то уж точно не обошелся бы такой малой кровью. А потому самое время воздать нам должное, не жабясь. Все уже поощрены, причем щедро. Варягам Трувора так и вовсе помимо изрядной кучи добычи здоровенный кусок Водимировых земель отрезали.

Я бы от земли тоже не отказался. От того же Плескова, к примеру, который Водимир в прошлом году оттягал у Ладоги.

Ну давай, князь Рюрик! Порадуй своих верных...

– ...А теперь я хочу наградить еще кое-кого из тех, кто помог нам победить!

Мне показалось, или это он к нам обращается? Это что еще за хрень?

Я поглядел на Медвежонка.

Мой побратим тоже ничего не понимал. Что это еще за «кое-кто из тех, кто помог»? Фига се! Это мы, мы захватили город Водимира и держали его Детинец до тех пор, пока не подошел Рюрик со всей своей сборной дружиной! Это мы, рискуя собственными шкурами, провели разведку в логове врага и узнали коварный план Водимира! Если бы не мы, то сейчас не Рюрик раздавал бы соратникам вкусные пирожки, а его главный враг. Не вскрой мы замысел Водимира, и главная опора Рюрика, его варяги, всей бандой отправились бы домой – праздновать летний солнцеворот. Да и я с моими хирдманами, скорее всего, присоединился бы к ним, поскольку приглашены мы были по всем правилам и с полным к нам уважением. От такого отказаться – обидеть.

А пока бы мы праздновали, Водимировы дружинники влежку взяли бы и Ладугу, и князей-соправителей, зятя с тестем, если бы те не успели дать деру.

«Кое-кто из тех, кто помог!» Не может быть!

Однако может. Да еще как может!

– Ульф Хвити! Ты и твои люди неплохо себя показали той ночью.

Да он издевается!

– Я доволен!

Точно издевается!

– Вы стоите тех денег, которые я вам обещал за службу. И в знак признательности за храбрость, которую вы показали, сражаясь за меня, я хочу вознаградить и вас!

Мне в руки летит тугой мешочек. Небольшой. Килограмма два примерно.

Я распускаю тесемки. Даже не золото, серебро. Монетами и нарезкой.

Улыбается, гад. Сунул подачку. Я ее сейчас приму, и тема закрыта. «Кое-кто из тех, кто нам помог!»

А вот хрен тебе!

Я тоже улыбнулся...

И метнул мешок прямо в длинноусую (по варяжской моде) наглую рожу!

Не попал, к сожалению. Князь поймал мешочек, улыбнулся еще шире. Похоже, Рюрик меня просчитал и ожидал именно такой реакции.

– Твое дело, – сказал он. – Хотя лучше б тебе сначала со своими людьми посоветоваться, потому что я дважды не предлагаю. Так же как не предложу больше и земли, от которых ты однажды уже отказался. Таков был наш уговор: сорок марок серебром за службу. Вы их получите. Сполна. Как только наступит осень. Верно, Свартхёвди Сваресон?

– Не весь, – пробасил Медвежонок. – Еще – взятая добыча, конунг. Сколько там мы взяли Водимировой казны?

Когда дело идет о добыче, мой брат соображает быстро.

– Мы взяли казну, конунг! – рычит Медвежонок. – Из казны этой, по нашему уговору тебе десятая часть причитается. А где остальные девять? Я их не вижу! Уж не из нашей ли добычи ты, князь, людишек своих одаривал? – Рык Свартхёвди перекрывает ропот «людишек». – Что скажешь, Хрёрек-конунг?

– Скажу: подзабыл ты, Свартхёвди, сын Сваре Медведя! – теперь уже голос Рюрика сочится неприкрытой угрозой. – Ряд наш был таков: десятую часть я получаю с той добычи, что вы возьмете сами. Без меня. А когда я сам возьму меч и буду сражаться, то ты, Свартхёвди, удовлетворишься положенной долей общей добычи. Так что если мы разделим казну Водимира на всех, – Рюрик широким жестом обвел собравшихся с большим зале его терема, – то на вашу долю придется еще и поменьше того, что я предложил. Ты можешь сказать, что когда вы спрятались у Водимира в подполе, меня там не было? Да, это так. Но не приди я вовремя, все вы были бы уже мертвы. Так что будь мне благодарен,

Свартхёвди, и ты, Ульф Хвити! И не стоит на меня скалиться, потому что я не боюсь волков. А если они пытаются меня укусить, я их наказываю. Ты понял меня, хёвдинг?

Знает, что сила сейчас на его стороне. Я жестом останавливаю кипящего от ярости Медвежонка. Он – берсерк и может многое. Я тоже могу многое. Мы все можем, но их слишком до хрена, людей Рюрика. И варяги с ним. А эти нам не уступают. Как и даны Ульфхама Трески.

Да, это будет славная битва... В которой мы все погибнем, а Рюрик выживет. Он все просчитал, включая мою реакцию. Он меня знает. Я не полезу в драку, если на победу нет ни одного шанса.

Но у меня тоже есть козырь. Очень весомый козырь. Я ведь не просто наемник ладожского князя Рюрика. Я еще и хёвдинг данов с Сёлунда, где правят Рагнар Лотброк и его сыновья.

– Да, – согласился я, глядя ему прямо в глаза. – Ты не боишься волков, князь. А как насчет змей? Их ты тоже не боишься?

Попал. О да, змей он боялся, да еще как! Вернее, одного вполне определенного змея. Сигурда Рагнарсона.

– Ульф! – подал голос Трувор. – Ты этого не сделаешь!

Я перевел взгляд на варяжского лидера. Похоже, Рагнарсона сына здесь опасался не только Рюрик. Ну да. Я сам его боялся, Сигурда Змееглазого, хотя мне бы он точно ничего плохого не сделал. А вот узнай он о том, куда спрятался его недруг...

– Не сделаю, – согласился я. – Потому что у меня есть то, чего нет у твоего князя, Трувор Жнец. У меня есть честь!

И, не дожидаясь ответа, двинулся к выходу, сопровождаемый своим маленьким хирдом. Под возмущенный ор всей Гостомысловой своры и прочих приближенных ладожских соправителей.

Но помешать нам уйти не рискнул никто. Напротив, все эти шавки поспешно уступали дорогу Волку.

И что следует отметить отдельно: в общем визге я не услышал голосов главной опоры Рюрика. Варягов.

Меня так и подмывало обернуться и еще разок поглядеть на лицо Тривора, но я удержался.

Он-то свой кусок получил. И теперь будет праздновать победу вместе с прочими любимцами Рюрика: набивать брюхо княжьей жратвой, наливать пивом и радоваться жизни. «Ег ванн!» – как говорят викинги. «Я победил!»

Остальное не важно.

Глава 2. Славный хирд Ульфа-хёвдинга

Ну и фиг с ними, с властными структурами и их праздниками.

Мы тоже устроили пир. Свой. И стол у нас был не хуже, чем в княьем тереме. А вот люди за столом – намного лучше. Я и мой хирд.

Начинать отсчет следует с самого крутого из нас: двуногой машины смерти, носящей имя Хавгрим Палица.

Имя для него очень подходящее[1 - Хав – море, грим – шлем.]. В бою он так же сокрушителен, как разгневанное море, а крепостью вполне сравним с добрым скандинавским шлемом. И это не преувеличение. Палица – берсерк. А берсерк в боевой ипостаси – это не только сверхсила и сверхскорость, но и трудно объяснимая с точки зрения, так сказать, биофизики неуязвимость. Скандинавы верят, что у них есть мистическое свойство делать острое железо тупым. Не знаю. Мой собственный невеликий опыт ответа не дает. Зато я имел возможность убедиться, что рубить берсерка в боевом состоянии – все равно что буквое бревно ножиком резать. Убедился практически. Просто чудо, что я тогда выжил.

Да и после я неоднократно наблюдал, как страшные удары, от которых кольчуга брызгами разлетается, оставляют на берсерковых тушках лишь синяки да поверхностные ранки. Которые вдобавок почти не кровоточат. Так что я просто счастлив, что хольд[2 - На всякий случай напомним скандинавскую воинскую табель о рангах, которой я пользуюсь. Нижний уровень – дренг. Это примерно соответствует древнерусскому отроку. Хускарл – это на ступень выше. Примерно как гридень. В более поздние времена хускарл – это телохранитель короля или ярла. Хольд – это младший командир. Обычно с правом на две доли добычи, а не одну. Хольд может быть кормчим, и тогда он получит уже не две, а три доли. Надбавка за профессию. Кормчий также занимается хозяйственным обеспечением, хранением общей казны, оружия, куплей-продажей. Этакий суперкарго по совместительству, а в первую очередь – правая рука капитана. Капитан – это уже хёвдинг, вождь, «большой папа» воинского подразделения-хирда. Он – судья-законоговоритель и главный жрец хирда. И главный атрибут такого вождя не сила (хотя сила тоже важна), а удача. Если вождь – любимчик богов, то вся банда тоже в шоколаде. Если боги к нему не расположены, то – беда. И однозначное указание: лидера пора менять. Вожак викингов может называть себя также «морским», то бишь безземельным, ярлом. И даже «морским» конунгом-секонунгом, если у него под началом несколько кораблей. Дружина-хирд такого лидера – это сыгранная боевая команда хирдманов-дружинников, действующая как единое целое и в бою, и в плавании. Эквивалент рода, «патриарх» которого и есть вождь. Оговорюсь: это не единственное возможное толкование вышеперечисленных терминов. Более того, их значение со временем менялось. Однако для удобства и своего, и читателей я буду пользоваться именно такой их интерпретацией.] Хавгрим теперь за меня, а не против.

Рядом с Хавгримом восседает мой давний и верный друг, старина Стюрмир. Самый здоровенный из нас, если считать в голой силе. Правда, юный дренг Хавур Хакинсон ростом чудо-богатыря Стюрмира уже почти догнал, но мощью на этот уровень еще не скоро выйдет. Однако – выйдет. Со временем. А время у него есть. По моим прикидкам, Хавур Младший, сын Хаки, уже набрал тот критический опыт, после которого правило «первыми убивают новичков» перестает работать. Одно обидно: Хавур теперь, после гибели Тови Тюленя, – единственный, кто остался в живых из сёлундской молодежи, когда-то принятой в мой хирд.

Тови был убит в ночь, когда мы взяли Детинец Водимира. Вместе с ним погиб и мой местный новобранец, Домаслав-Траусти, но тот был совсем зеленым. По уму

его в такой бой брать не следовало, но у меня не было выбора. Рюрик вообще предложил отправить паренька к Водимиру. Засланным казачком. Для дезинформации.

Я не позволил, потому что был уверен: пацана Водимир, может, и послушает для начала, но потом все равно на части разберет. Живьем. Такая здесь практика проверки полученных сведений. Не исключаю, что именно этот мой отказ и переполнил чашу терпения Рюрика.

В общем, погибли они, Домаслав и Тови. А Хавуру знатно прилетело железом по ребрам, однако бронь выручила. Сама порвалась, но и ребра, и печень уберегла. На днях заживет, обещал самый мирный из моих людей, отец Бернар.

Отец Бернар – занятная личность. Когда-то он был французским рыцарем-шевалье, но встретил я его уже, когда он был смиренным монахом. Отец Бернар – больше не воин. Дал обет не проливать кровь и теперь скорее позволит себя убить, чем возьмется за меч. А еще отец Бернар полиглот, отличный лекарь и надежный друг. А потому убить его не позволим уже мы.

По внешнему виду смиренного монаха в отце Бернаре нынче угадать непросто. Особенно если тонзуру колпаком прикроет. Прикинут бывший рыцарь как настоящий скандинав. Не из щегольства, по необходимости. Отец Бернар видит свою миссию в обращении язычников в истинную веру. А дикие язычники, как это ни печально, в любом монахе видят либо бесхозную собственность, либо объект для жертвоприношения. Так что, надень он предписанную саном рясу, его даже слушать не станут, не то что истинной верой проникнутся. Надел рабскую одежду, значит, раб. А место раба – в хлеву со свиньями. И право голоса примерно такое же. Так что с волками жить... по-волчьи петь.

Кстати о песнях: еще один мой хирдман – настоящий скальд. Тьёдар Певец. Когда-то он выкупил собственную жизнь у моего кровожадного побратима, сложив великую драпу «О Волке и Медведе». Сия хвалебная песнь достала меня до такой степени, что я нередко жалею о том, что самолично не прибил Тьёдара там, на суровом берегу норвежского Согни-фьёрда. Впрочем, воин из Тьёдара неплохой. Соответствует статусу полноценного хускарла.

Еще один норвежец, вернее, по-здешнему, норег – Гуннар Гагара. Храбрец, воин, скалолаз и большой специалист в области активного допроса. Я познакомился с

ним вскоре после того, как убил в поединке его тогдашнего ярла, Торсона. Дрался я, кстати, за честь своего конунга, которого тогда звали Хрёреком Соколом. Князем Рюриком он стал уже здесь, в Ладогe. И не просто так, а чтоб никто на его старой родине случайно не прознал, что славный Хрёрек ухитрился выжить после практически смертельного удара Сигурдова копья.

Но это случилось существенно позже. А тогда, после гибели Торсона-ярла, Гуннар охотно перешел в хирд победителя, то бишь Хрёрека.

Сошлись же мы с Гуннаром после того, как тот, уже будучи хирдманом Хрёрека, ухитрился смертельно оскорбить моего ученика Скиди.

Это сейчас Скиди – опытный убийца-викинг, а в тот момент был он всего лишь подающим надежды недорослем. Но честь – дело важное. Иной раз поважнее жизни, потому что умирает скандинав один раз и, умерев достойно, может рассчитывать на отличное посмертие. А вот позор его будет жить вечно. Ну, во всяком случае, пока не угаснет род опозоренного. Так что выбора у Скиди не было. Он вызвал Гуннара на поединок. И даже ухитрился победить, хотя был тогда против норега как молоденький петушок – против коршуна.

Впрочем, петушок ухитрился очень удачно клюнуть коршуна в шейку, а поскольку бой был до первой крови, то малыш оказался победителем. С тех пор мальчик здорово подрос и физически, и профессионально, так что, случись между ним и Гагарой новый поединок, я бы скорее поставил на него, а не на Гуннара. Впрочем, Гуннар по-прежнему очень хорош. И далеко не глуп. И по-настоящему мне предан. Если бы не его чрезмерная, даже по здешним меркам, жестокость, я бы, пожалуй, уже поднял его в хольды.

Еще один молодой в нашей компании – Вихорек. Мой названный сын. По происхождению словенин, хотя я встретил его, когда он пас овец французского монастыря.

Из пастушонка получился отменный воин. Нам с Медвежонком стоит гордиться, потому что воина из пастушка сделали именно мы. И имя у него теперь чисто скандинавское: Виги. Что значит «война». И это слово очень точно характеризует истинное призвание бывшего монастырского раба.

И, наконец, последний из моих хирдманов. Бури. Я не уверен, что это его настоящее имя, но ничуть не сомневаюсь в его верности. Бури стал моим «по праву меча». И еще потому, что мой незримый потусторонний спутник и хранитель, мой Белый Волк, не позволил мне убить крутого азиата. Бури – загадочная личность. Не знаю, какого он роду-племени, но, судя по лицу, в его геноме изрядная доля восточной крови. А еще он потрясающе стреляет из лука. Нет, с саблей он тоже недурно управляется и в строю не подведет, но с луком Бури – это нечто невообразимое. Я о таком только в книжках когда-то читал. И не особо верил, пока не увидел, как этот невозмутимый азиат кладет три стрелы из трех в отпечаток ладони. На дистанции в двести шагов!

И, наконец, Медвежонок. Свардхёвди Сваресон. Он не мой хирдман. Он – мой побратим. И родной брат моей прекрасной женушки Гудрун.

Свартхёвди – мой младший брат. Он сам так решил. Однако все, что принадлежит мне, принадлежит и ему. И наоборот. А еще он берсерк, как и Хавгрим Палица. И так же, как Палица, он – «управляемый» берсерк, то есть умеющий держать своего зверя под контролем. Если захочет. А хочет он далеко не всегда, потому что это такой кайф... Уж я-то знаю.

Нынче Медвежонок – в ярости. Причем не в той, славной, что свойственна Детям Одина, берсеркам и ульхеднарам и ведет к блистательным боевым свершениям, а в самой обычной, той, которая порождает действия безрассудные, а подчас даже дурацкие.

Но пока он держит себя в руках, мечет жратву в пасть, заливая ее кувшинами пива, и даже обменивается шутками с народом.

Держит себя в руках.

Так же как и я.

Потому что в настоящий момент мы ничего не можем сделать. Все козыри в руках этой сволочи, Рюрика.

Мы ему верили, мы совершили для него целую охапку настоящих подвигов. А он нас предал.

Впрочем, чему тут удивляться. Во-первых, предают только свои, те, кому веришь, а во-вторых, эта лицемерная скотина князь Рюрик (язык не поворачивается называть его честным именем «конунг»), эта расчетливая гадина не только нас кинула, но еще и ухитрилась повернуть это так, что выглядело все строго по закону. С формальной точки зрения и не подкопаешься. Когда мы с Рюриком заключали «договор о сотрудничестве», то совершенно четко оговорили нашу «зарплату» и бонусы.

Но в любом договоре между лидером и его дружиной есть вещи, которые зависят от личного решения лидера. В частности, размеры премий, которые определяет вклад каждого. Решается лидером, но утверждается всем хирдом. А против всего хирда не пойдет ни один здравомыслящий вожак. Вот только Рюрик поставил дело так, что мы – не его хирд и права коллективного голоса у нас нет. Его хирд – это его дружина, его варяги, его ладожские отроки, даже оружное воинство Гостомысла – и то в его команде. А мы – нет. Мы – наемники. И место наше – на самом нижнем конце стола.

«Вы, ребята, больше не моя любимая дружина, с которой я делю и победы, и поражения», – заявил нам сегодня ладожский князь-соправитель. Вы – сами по себе. Сражаетесь за фиксированную зарплату, которую получаете вне зависимости от моих, а также ваших личных успехов или неудач. Вот и получите. Да, сражались вы неплохо, и потому я даже готов выплатить вам небольшую премию. Но насчет воинской добычи – извините. Вот если бы вы взяли ее самостоятельно, тогда – да. А поскольку окончательную победу одержали все же не вы, а моя славная дружина, то – свободны!

И вообще: если бы он, князь, не подоспел вовремя, то там, в сокровищнице, мы бы все и полегли.

То есть он еще и спас нас, оказывается! А мы, выходит, на собственный страх и риск, по личной инициативе хитростью и геройством захватили стольный град главного противника Рюрика? И это при том, что все, кто был тогда на совете, знают, что мы действовали в строгом соответствии с общим планом.

Знают, но помалкивают. Все. Даже варяги. Потому что все, кроме нас, получили свой кусок пирога. Сочный. Рюрик не поскупился. И одаренные дружно сделали вид, что они все вместе, а мы – сами по себе. Интересно, чем бы закончилось сражение, если бы мы не взяли город и не заставили Водимира биться на два фронта? Если бы Рюрик подошел не к захваченному нами городку с разбитыми

воротами и вражеской армией, истратившей на нас почти все стрелы, а к полностью готовой к обороне крепости?

Сумели бы все эти важные бояре и гордые ладожские отроки взять такую крепость врага?

А вот сомневаюсь.

Мы расчистили дорогу. Мы заставили Водимира разбить собственные ворота. Мы заблокировали не только сокровищницу, но и оружейку, лишив Водимира возможности пополнить запасы оружия. Это была наша победа! И что же?

Все остальные участники получили роскошные подарки.

Ладожские дружинники – четверть добычи.

Варяги – треть добычи и здоровенный кусок Водимировой территории в коллективное подданство.

Гостомысл – кучу денег на восстановление разграбленной Водимиром Ладоги.

А нам – жалкая кучка серебра и дозволение попировать в уголке?

Да пошел он, этот мелкий ладожский князек, возомнивший себя великим вождем!

– Пусть подавятся нашей славой! – решительно заявил я, поднимая кубок. – Когда-нибудь этот хитрый лис снова сунет морду на чужой двор, и, когда ее там прищемят, мы не станем спасать его красную шкурку! А добра мы еще добудем! И столько, сколько здешним и не снилось!

Моя славная дружина грозно рявкнула: «Да!» И настроение коллектива сразу пошло вверх.

– Ты прозорлив, хёвдинг!

Это Стюрмир. Он остановился рядом со мной по дороге на крыльцо, куда направлялся с намерением облегчиться.

Ну да, в сравнении со Стюрмиром я прям-таки мудрец. Но к чему это он?

– Я-то думал: зачем ты отпустил Водимира? А ты, выходит, догадывался...

– Рот закрой, – прошипел я, оглядываясь.

Нет, никто не услышал. Я никому не сказал. Даже Медвежонку.

Чем меньше людей знает о том, что я держал в руках жизнь князя Водимира – и позволил ему свалить, тем лучше. Нет, я тогда не думал о том, что Рюрик обойдется с нами так скверно. У меня была совсем другая мотивация. Но я ведь просил их с Бури помалкивать. А Стюрмир набрался пива и...

– Молчу, – зажал ладонью рот Стюрмир. Хихикнул, хлопнул меня по спине и вразвалочку двинул на выход.

Может, я зря так напрягаюсь? Вроде бы здесь все свои...

Ах ты ж...

Нет, не все. Стоит. Глядит. Свысока. Непохоже, что он что-то слышал. Зато очень похоже, что он тоже изрядно пьян, наш бывший друг и соратник Трувор по прозвищу Жнец.

Первый наследник главного варяжского князя, насколько мне известно, и главный воевода князя ладожского Рюрика.

Что ж, раз пришел, давай за стол. Мои подвинулись, Трувор уселся напротив. Поглядел на меня, потом на Медвежонка, принял от девки бронзовый кубок, приложился, кивнул одобрительно. Потом кивнул уже мне. Тоже – с одобрением.

– Вижу, Волчонок, ты не очень расстроен. Значит, понял. Это хорошо. Я тебя предупреждал: не стоит сердить князя. Тебе повезло, что наш князь помнит добро и простил тебе дерзость. Однако впредь будь осторожнее. Не то так легко

не отделаешься. Ни ты, ни твои люди.

- Это тебя Рюрик прислал? - кисло поинтересовался я.

- Нет. Он больше не станет потакать твоему нраву. Волк, ты должен понять. Он - князь. А ты - предводитель десятка воев. И только. Он позволил тебе жить здесь и служить ему. Цени.

Свартхёвди хрюкнул.

Я покосился на побратима. Тот больше не пил. Слушал. Очень внимательно.

- Я пришел к тебе, потому что я - твой друг. Вдобавок ты скоро станешь мужем моей дочери, и я обеспокоен. И говорю тебе: умерь свою дерзость! Помни свое место за княжьем столом, и в следующий раз тебе и твоим людям будет позволено по чести разделить княжью трапезу.

- А что будет, если я ее не умерю? - поинтересовался я очень вежливо.

Трувор покачал головой:

- Ты же не глуп, Волчонок. Не гневи Рюрика и - не узнаешь его гнева. Ни ты, ни твои люди.

Та-ак. Похоже, кое-кто тоже перебрал пива. Или Трувор от перспективы стать моим тестем уже сейчас возомнил себя мудрым папашей?

«Ну так я его сейчас поправлю!» - решил я, наливаясь яростью.

Но выплеснуть не успел. Кое-кто меня опередил.

- Ульф Хвити! - рявкнул Медвежонок так, что даже я вздрогнул.

- Что? - удивился Трувор.

– Моего брата и хёвдинга зовут Ульф Хвити! Белый Волк! – прорычал Медвежонок на языке данов, раздувая ноздри.

– Ты это к чему? – нахмурил брови Трувор.

– Мы считали тебя другом, а ты держал рот на замке, когда Хрёрек оскорблял нас, – рявкнул Свартхёвди. – Теперь никто из нас не назовет тебя другом, но закон гостеприимства свят, и когда ты пришел в наш дом, Жнец, мы обошлись с тобой по обычаю: пригласили тебя за стол, угостили пивом и обошлись с тобой как с гостем! А ты вместо подобающей гостю благодарности принялся оскорблять и поучать хозяина! Хуже того: ты попытался его унижить, заподозрив в трусости!

– Я не говорил ничего подобного, – холодно произнес Трувор. – Что ты несешь, Сваресон?

– Что ты несешь, Жнец?! – Свартхёвди сжал кулаки с такой силой, что побелели пальцы. – Надо быть очень глупым, чтобы решить, что такие, как мы с братом, можем испугаться такого, как твой жадный конунг, возомнивший себя великим только потому, что его избавили от такого же мелкого врага! Мы избавили, Жнец! Мы! – Нитка слюны потекла изо рта Медвежонка на его желтую бороду.

Я напрягся. Не дай бог, брата сейчас охватит священное безумие...

Трувор тоже опасался, что берсерк выпустит зверя на свободу. Варяг неотрывно глядел на вытатуированные на тыльных сторонах ладоней Свартхёвди медвежьих лапы и был готов выскочить из-за стола и принять бой.

Но Медвежонок сумел сдержаться. Выдохнул через стиснутые зубы, сцапал мой кубок и опорожнил его в один огромный глоток.

Трувор расслабился. Зря. Медвежонок сказал свое слово, а вот я – еще нет.

– Меня ты тоже удивил, Трувор Жнец, – произнес я в наступившей тишине. – Не думал, что ты можешь быть так жалок. Я могу понять твоего князя, который, утратив силу, превратился в скупца. Бессильному и бесчестному одно лишь серебро помогает удержать власть. Больше ему рассчитывать не на что. Но ты,

Трувор Жнец, ты же не был поражен копьем Сигурда Рагнарсона. Твоя сила – при тебе. Твои руки могут держать мечи, а ноги – нести тебя к новой славе. Вы, варяги, главная сила Ладogi. Один взмах твоего меча – и у Ладogi появится новый князь. Куда более достойный, чем то, что осталось от Хрёрека Сокола, инглинга и конунга! Как так вышло, Трувор Жнец, что ты теперь готов пресмыкаться перед тенью прежнего Хрёрека, принимать от него подачки и сидеть ниже какого-то там Бобра? Ты, которому тень, забравшаяся на княжий шесток, обязана всем?

– Ты хочешь меня оскорбить? – поинтересовался Трувор.

Похоже, хмель из его головы выветрился, и я снова играл с огнем. Но в то же время я знал: если он и рискнет попробовать меня убить, то уж точно не сейчас, когда он – один, а со мной – весь наш маленький, но грозный хирд.

– Я? Да что ты! Разве кто-то может оскорбить тебя больше, чем ты сам? Ты ли это, Трувор Жнец? С тобой ли мы ходили по Лебединой Дороге за тридевять морей? Или душу твою подменили, а честь купили на украденное у нас серебро?

Я помолчал немного, поглядел на своих. Все они перестали есть и слушали очень внимательно. Так же внимательно, как сам Трувор.

Ну что, варяг, хочешь мне возразить?

Нет, не хочет. Ждет продолжения. Не кипит, копит.

Помнится, Медвежонок говорил о своем отце: тот на хольмгангах в ответ на любые оскорбления – улыбался. А на вопрос сына ответил: разве не забавно, когда тебя пытается оскорбить мертвец?

Трувор не улыбался. Он контролировал ситуацию и ждал. Надо думать, я еще не зацепил его по-настоящему. Вопрос: хочу ли я его зацепить?

Хотя игра выходит занятная. Он пришел поучать меня и вразумлять. А теперь, выходит, мы поменялись местами.

– Я дрался с тобой в одном строю, Трувор, – продолжил я. – Ты учил меня варяжскому обоерукому бою, и я верил тебе. Я верил тебе настолько, что позволил уговорить себя и остаться, когда твой князь показал, что он теперь не конунг воинов, а князек ладожских смердов. Я мог бы послать его к воронам и отправиться домой на Сёлунд. Там, на Сёлунде, у нас богатые земли, прекрасные жены и добрые соседи. И правит там настоящий конунг Рагнар Лотброк, который относится к нам с уважением и который умеет ценить воинов.

Я сказал чистую правду, надо отметить. Да, Рагнар ко мне благоволил. А его старший сын Ивар по прозвищу Бескостный вовсе испытывал ко мне такую симпатию, что позволял окружающим считать меня его человеком. А это, друзья мои, в скандинавском мире просто не передать как круто. Одно мое слово такому человеку – и от надменного ладожского соправителя останется не больше, чем от коровьей лепешки, на которую наступил слон. Причем мне даже премию заплатят в тройном размере, потому что князь Рюрик, еще в свою бытность правильным морским конунгом, навлек на себя гнев уже упомянутого мной Сигурда Змееглазого. И Сигурд отомстил обидчику, лишив его всех кораблей. Это чудо, что Хрёрек ухитрился выжить, поймав телом Сигурдово копье. И да, Хрёрек действительно обязан варягам абсолютно всем. Это ведь варяги сумели по-тихому спереть самый быстрый драккар Сигурда прямо у того из-под носа. Да еще так, что Рагнарсон повесил пропажу на богов, а не на своего недруга, которого считает мертвым. Ну не выживают люди после того, как в них угодило копье Сигурда Змееглазого.

Хрёреку повезло вдвойне. Он не только выжил, но даже сумел найти новый дом здесь, в Ладоге, женившись на дочери местного князя Гостомысла.

Я же, дурак, ухитрился догадаться, что мой конунг жив, сообразить, где прячется.

И явился сюда, в Ладогу, дабы вернуть Хрёреку долг чести. Потому что именно он, Хрёрек, когда-то помог мне, человеку из двадцать первого столетия, выжить в суровом мире девятого века.

Ну кто же знал, что вместо геройского Хрёрека-конунга меня встретит прагматичный и коварный князь Рюрик?

Но я бы действительно свалил после первого же конфликта с князем, если бы не Трувор, которому я тоже многим обязан.

И мало ли кому я обязан? Вот тому же Ивару Рагнарсону по прозвищу Бескостный я обязан намного больше, чем ладожскому князьку. Ведь это Ивар пришел ко мне, когда я оказался в настоящей беде. Когда мой хирд был уничтожен, жена – похищена, а сам я валялся чуть живой от ран. Не Трувор и не Хрёрек пришли ко мне с поддержкой, а Ивар Рагнарсон.

И вот сейчас отхвативший изрядный кусок пирога, в том числе и нашего пирога, Трувор Жнец явился поучать нас, будто нашкодивших щенков.

Мол, я должен понимать политику партии. Есть великий князь Рюрик и мелкий десятник, нанятый им на службу.

– Ты забыл кое-что, Ульф Хвити, – спокойно произнес Трувор, которого мне не удалось разозлить. – Есть князь, и есть его дружина. И не князь служит дружине, а она – ему.

– О да! – сказал я. – Понимаю! По-твоему, варяг, такие, как мы, должны проливать кровь, а Гостомысловы бояре на этой крови жиреть. Вижу, ты готов быть дружинником такого князя, но мы – нет. Вижу, тебе нравится, когда твой конунг – не отец своим хирдманам, а хозяин, который кормит вас подачками взамен за пролитую кровь. Были времена, когда мы с тобой ходили на одном корабле, и тогда все мы знали, что за своего конунга мы будем сражаться как за родного отца. Потому что он и есть наш отец, наш старший, и он точно так же сражается за всех нас. И делает это лучше всех, иначе какой он тогда конунг? Но те времена прошли. И нам с тобой больше не по пути, Трувор! Мы не станем псами, что лизут хозяину руку! Верно ли я говорю, братья? – впервые обратился я к своим бойцам.

И ожидаемо услышал одобрителный рев.

– А если кто-то возомнит себя нашим хозяином, Жнец... Я скажу тебе, что его ждет, – произнес я, глядя на Трувора в упор. – Холодное железо в жадное брюхо – вот что его ждет! Верно, братья?

И новый одобрителный взрев.

– Это угроза? – поинтересовался варяг, когда возгласы стихли.

– Это предупреждение, – парировал я. – В том числе и тебе, Трувор Жнец, потому что ты тоже обманул нас, когда делал вид, будто ты на нашей стороне, а потом продал нас за княжью подачку. За земли и данников, которые взяты нашими мечами. За которые заплачено нашей кровью. Сражаясь за твоего князя, я потерял двоих хирдманов. И каждый из них был мне дорог! Вот почему я бросил в лицо твоему князьку его жалкое серебро! Я не торгую кровью своих братьев. В отличие от тебя.

Трувор опять сдержался.

– Я тоже потерял своих, – процедил он. – Или ты забыл, что рядом с тобой сражались и мои варяги?

Ну, ты сам подставился, Трувор Жнец.

– Вот поэтому я и сказал: в отличие от тебя! Сражались, ты сказал? Нет, они не сражались рядом со мной! Твоих юнцов убивали рядом со мной! Если бы со мной были настоящие воины, воины, а не мальчишки, они были бы живы! И мои дренги тоже были бы живы! А раз ты забыл, кто велел тебе отправить со мной молодых и неопытных, так я тебе напомню, Трувор Жнец! Твой добрый князь так приказал! Может, он надеялся, что я тоже погибну вместе с твоими отроками? И все мои люди? Вот радость для жадного князя: мертвым можно не платить!

– Так и есть, клянусь козлами Тора! – рявкнул Свартхёвди. Уверен, он раньше не смотрел на недавнюю битву под таким углом. Нормальная для викинга установка: слабых убивают, сильные выживают. Но ни один настоящий вождь не поставит под удар молодняк специально. К тому же не просто недостаточно обученную молодежь, а собственную родню.

Интересно, что бы на такое сказали другие варяги? Рулаф, Витмид, Руад, Харра Стрекоза, который был тогда единственным полноценным воином в приданном мне варяжском отряде.

Ну-ка будущий варяжский князь, что ты на это скажешь?

Ничего. Молчит. Смотрит. Скептически. Прямо-таки источает мудрость, важность и довольство. Мол, говори-говори, малыш. Собака лает – ветер носит.

Что ж, ты сам напросился, мой бывший друг. Ну так получи!

– Вижу, ты доволен, Трувор Жнец! – Я ухмыльнулся как можно паскуднее. – Еще бы! Такой жирный кусок отхватил! А всего-то за десяток каких-то дренгов! Вижу, ты находишь цену подходящей, верно? Так и знал, что ты больше не честный воин, Трувор Жнец. Зато теперь мне понятно, почему ты помалкивал, когда твой хозяин пенял мне, что, не приди он вовремя, и мы бы все сдохли прямо в Водимировой сокровищнице! То, что для воина оскорбительно, для торговца – в самый раз. Что тебе родичи? Что тебе даже твой собственный сын Вильд? Главное – барыш. Что тебе родная кровь, если ее можно продать с выгодой? Родичи, сын, племянники... Чего их жалеть? Бабы новых нарожают! Зато тебе лишний сундук с добром достанется!

Вот теперь я его наконец-то зацепил. Ух он и разозлился!

Говорят, на правду не обижаются. Как бы не так!

Пусть правды в моих словах было ровно столько, чтобы они выглядели правдой. Но некоторая правда все же была. Вот отчего Трувор и завелся.

Будь мы одни, возможно, даже убить меня попробовал бы. И скорее всего, успешно. Его не зря ведь Жнецом прозвали. Из всех варягов, каких я знал, он лучший. Сравниться с ним обещал разве что его племянник Харра Стрекоза. Но и то лишь в отдаленном будущем.

Однако мы не наедине. Рядом – раздувающий ноздри толстого носа Свартхёвди. Рядом – Хавгрим. И все остальные тоже. И они точно не останутся в стороне, если начнется заварушка.

Зря ты пришел поучать меня один, Трувор Жнец. Ну да, он не драться пришел, а наставлять по-отечески несмышленного Волчонка, возомнившего себя независимым вождем-хёвдингом. Такого самое то мордой в собственную лужу потыкать. Не смей, мол, метить хозяйскую территорию!

Надо отдать Трувору должное: с бешенством он справился практически мгновенно. Вот вожак поопытней меня. Оценил, просчитал – и на провокацию не повелся. Не подобрел, нет. Но мыслительные способности восстановил полностью.

– Да-да... – протянул он как бы даже с огорчением. – А я еще дочь за тебя выдать хотел. В род принять, варягом сделать. А ты на хорошее вот как...

– Добро я помню, Трувор. Не надо путать, – я тоже постарался успокоиться. – Тебя я не предавал. Это ты нас предал. Меня, его, – кивок на Свартхёвди, – и остальных. – Широкий жест, обнимающий остальных участников застолья. – Князя твоего я понимаю. Он теперь не под парусом, а под тестем ходит. Но тебя, нет, не понимаю. Ты тогда попросил нас остаться, и мы остались. Поверили тебе. Другу. А ты вот кем оказался...

И вдруг мне самому стало чертовски обидно. Куда обиднее, чем раньше. Прежде обида была правильная, удобная. Та, за которую мстят. А эта...

Были у меня друзья. Варяги. Теперь – нет. И это было даже хуже, чем понимание того, что больше не увижу Зарёнку.

Не скажу, что люблю эту девушку больше жизни, так, как Гудрун мою ненаглядную. Но все же... наверное, я и Зарю тоже люблю. Рюрик, собака! Из-за тебя все. И ты, княжий подпевала Трувор...

– Я все помню, Жнец, и добро, и зло, – я постарался подбирать слова поточнее. И побольнее. – И хочу кое-что напомнить и тебе. Это ведь ты посоветовал мне, Волчонку, стать вождем-хёвдингом тогда, на земле франков. И спасибо тебе, потому что я и впрямь стал хёвдингом. А вот ты, похоже, этого не заметил. Думаешь, что я хочу стать одним из вас, варягов? Да, пару лет назад – может быть. Тогда мы все были другими. И вы, варяги, тоже. И торговать кровью своих людей, как этого требует твой князь и как это, похоже, принято теперь у вас, варягов, я не стану.

Ну-ну, сверли меня взглядом. Взгляд – не копье. Дырка в организме не образуется.

– Я сидел за столом у многих конунгов, Трувор Жнец. Среди них есть пострашнее, чем твой князь. Настоящие конунги, для которых твой Рюрик – просто ползущая по столу букашка. Но были и такие, кто подобно тебе и ему охотно менял кровь и жизнь своих людей на богатство и земли. Помнишь, Трувор, графа Ламберта? Того, которого его бывшие данники не захотели пускать в ворота и который за то, чтобы снова стать хозяином города, отдал его жителей Рагнарсонам? Вижу, что помнишь! Вот и твой князь – он такой же. И все вы здесь – такие же. На словах стоите за своих людей, а на деле лишь ищете выгоду. Помнишь, как Рюрик не пожелал искать моих похитителей, чтобы случайно не обидеть пару ладожан? А когда в Ладогу пришел Водимир и начал резать и грабить, разве кто-то поспешил им на выручку? Вы все, и Рюрик, и ты, и даже сами ладожские бояре, очень обрадовались, что, пока Водимир убивает ладожан, вы можете пограбить самого Водимира.

– Ты сам хотел того же! – не выдержал Трувор. – Так что не смей обвинять в этом Хрёрека!

– Рюрика! – уточнил я. – Хрёрек-конунг убит Сигурдовым копьем у берегов Фризии! И я никогда не утверждал, что весь этот город, который вокруг, – он мой. Мой здесь – вот этот клочок земли, на котором мы стоим. Да и то получил я не от твоего князя, а от его тестя, для которого я – отвратительный нурман, коего терпят, пока он полезен, но пришибут, когда надобность в нурмане пропадет. Вернее, попробуют пришибить, – добавил я с ухмылкой. – Потому что во всей дружине старого Гостомысла не найдется никого, кому это по зубам. Но у него есть Рюрик. А у Рюрика есть ты. Понимаешь, о чем я?

– Нет!

– Врешь! – с удовольствием сообщил я. – Все ты понимаешь, варяг. Ну же!

Но Трувор молчал. Может, ждал, чем я еще его порадую. Или прикидывал, стоит ли бросить мне вызов?

Он куда лучше держал себя в руках, Трувор Жнец. И думал не о том, сможет ли он меня убить, а о том, что будет после. Возможно, он мыслил сейчас не как оскорбленный воин, а как настоящий вождь? Когда я обвинял его в том, что он торгует кровью своей родни, я ведь знал, что это ложь, которая лишь выглядит правдой, если взглянуть на нее под определенным углом. Можно убить меня.

Можно перерезать всех нас. Не сомневаюсь, что сотне варягов это вполне по силам, несмотря на моего Волка, моих берсерков и снайпера-лучника Бури. Однако очень возможно, что наша смерть не пройдет незамеченной. Что слух о ней пойдет дальше, до самого Сёлунда. А ведь там, далеко-далеко, но все равно за моей спиной маячит жуткая тень дракона. Ивара Рагнарсона по прозвищу Бескостный. И если допустить, просто допустить такую возможность, что из-за моей смерти дракон обратит свой жуткий взгляд на маленькую Ладогу-Альдейгью...

– Вижу, ты хочешь убить, – ровно произнес я. – Что ж, попробуй. Не бойся. Я, как хёвдинг, объявлю поединок чистым. Иначе вам придется убить всех, а я не хочу крови моих людей. Да и твоих – тоже. Это ведь ты, Трувор, торгуешь кровью родни. А Ольбард, Руад, Рулаф и остальные – они остались прежними. Такими же, как в те времена, когда мы бились в одном строю. И я не хочу их смерти.

– А я, по-твоему, хочу?

Все-таки изумительное у Трувора самообладание.

– Не хочешь, – согласился я с улыбочкой. – Разве что за их жизни предложат хорошую цену. Тогда – другое дело.

Я подумал: вот сейчас он сорвется. Уловил боковым зрением движение Свартхёвди, его волчью ухмылку. Я могу сколько угодно объявлять поединок чистым. Для Медвежонка это – пустые слова. Он – берсерк. Он – воин Одина. Там, в Скандинавии, все знают: берсерку плевать на слова «чистый от мести». Есть лишь один закон, который чтит Воин Одина: я убиваю, когда хочу! Самого желания вполне достаточно.

Ух как Трувору хотелось дать выход ярости! Однако он догадывался: вызови он меня сейчас и убей, мои берсерки порвут его, наплевав на слова.

Я не смотрел на Хавгрима, но знал, что он тоже ухмыляется. Я всех убедил, что Трувор – недостойный человек, который нас обманул. Теперь каждый из моих хирдманов хочет его крови. Ну, кроме монаха.

А я? Хочу ли этого поединка я?

Да, хочу. Рюрик желает войны? Он ее получит. И первой ее жертвой станет его самый верный сподвижник. Здесь и сейчас. Один на один. Если придет мой Волк, у меня будут неплохие шансы. А если не придет...

Обожравшийся на пиру, отяжелевший от пива, вдобавок порядком разозленный Трувор, на котором сейчас даже кольчуги нет, это куда менее опасный противник, чем Трувор Жнец, заранее подготовившийся к хольмгангу.

«А ты и впрямь хочешь его убить? – спросил я сам себя. – Не Рюрика, Трувора?»

И понял: нет, не хочу. Рюрика – да, Трувора – нет. Поединка хочу, но не смерти варяга. Так что даже если он сейчас примет вызов, то я постараюсь не только остаться в живых сам, но и оставить в живых Трувора. Ну, а если не выйдет, тогда старшим над варягами станет Ольбард. И с ним будет намного проще, чем с Трувором, потому что Ольбард Синеус не будет так рьяно играть на одной стороне с Рюриком. Да что там... Я вообще не понимаю, почему Трувор так держится за Рюрика. Даже тех варягов, что сейчас в Ладоге, хватит, чтобы скинуть с престола и Рюрика, и Гостомысла разом. Кто им помешает? Ульфхам Треска с дюжиной верных данов и полусотней салажат? Боярское ополчение? Смешно! А ведь Труворова дружина – это лишь часть варяжской силы, и, склонен думать, далеко не самая большая. Откуда же эта непонятная преданность?

Ну да примем ее как факт. Я уже не сомневаюсь: оторвать Трувора от Рюрика не получится. И еще я не сомневаюсь, что Рюрик не отпустит нас домой, пока не будет абсолютно уверен, что мы не вернемся сюда снова, но уже в компании с Рагнарсонами. А следовательно, стоит нам отойти от ладожской пристани, как за нами тут же помчатся варяжские драккары. И наверняка догонят. «Северный Змей» быстр, но число гребцов тоже имеет значение. К тому же уведенный у Сигурда драккар проворнее моего малыша.

Вывод? Надо разорвать связку: Рюрик – Трувор – варяги. Если мне удастся выбить среднее звено... Не знаю, спасет ли это нас, но хуже по-любому не будет. И потому надо срочно форсировать процесс. Мне нужен этот поединок, чем бы он ни закончился!

– Ты только что сказал, варяг, что не хочешь смерти своих родичей, – прорычал я, поднимаясь. – Но мне плевать на то, что ты хочешь, Трувор Жнец! – Я перешел на понятный всем язык викингов. – Мне плевать, что ты там болтаешь! Твои дела

говорят за тебя. Они говорят: за хорошую цену продать не только своих родичей, но и собственного сына! С таким, как ты, у меня может быть только один разговор, – я похлопал по ножнам Вдоводела. – Ты и я, Трувор. Здесь и сейчас. Поединок чистый. Свартхёвди, ты слышал?

– Слышал, – буркнул мой названный брат.

Чихал он на мои слова, как я уже упоминал. Если Трувор примет вызов, он – мертвец. Разве что мне самому удастся заставить его сдаться. Но такой вариант, это из области ловли журавлей в небе. Даже не журавлей – вымерших миллион лет назад птеродактилей.

– Трувор! Я сказал, ты услышал. Начинай!

Черт! Он даже не дернулся. Я был уверен, что после всего, что я вывалил на его бритую голову, Трувор обрушится на меня как гром небесный. А он стоял и не касался мечей.

Испугался? Не верю!

– Не хочешь драться бесплатно? – насмешливо поинтересовался я.

– Вообще не хочу с тобой драться, – произнес Трувор по-словенски абсолютно спокойно. – Все, что ты сейчас наговорил, – чушь. И ты сам это поймешь, когда остынешь. До завтра, хёвдинг Ульф Свити. Проспись и остынь. Когда сможешь говорить как вождь, а не как обиженный мальчишка, тогда и поговорим.

Повернулся и двинул на выход.

Я проиграл. Или – выиграл?

Глава 3. Танец пятого стража

– Хочешь, чтобы я его убил?

Неожиданное предложение.

Я удивленно уставился на Бури. Он что, читает мои мысли?

- Одна стрела - один мертвец, - сказал мой восточный хирдман.

- Он - воин, - проговорил я, несколько растерявшись. - Он услышит или почувствует.

- Возможно, - согласился Бури. - И что с того?

Да, верно. Я не учел, что стрела Бури летит куда быстрее моей. Почуть - можно, успеть отреагировать - не факт. Особенно если стрела будет не одна. А учитывая способность Бури отправлять в цель три стрелы за две секунды...

Но все равно это не вариант. Точно не вариант. Это будет еще большая подлость, чем та, которую устроил нам Рюрик.

- Нет, - отказался я.

Но - оценил. И показал, что оценил. Верность - одна из высших ценностей этого сурового мира.

- Пойду разомнусь, - сказал я и двинул во двор.

Бури - за мной. Похоже, он взял на себя обязанности моего телохранителя. Ну, я точно не против. Мой хирд - совсем маленький, но пока в нем есть два с половиной берсерка (половинка - это я сам) и такой стрелок, как Бури, с нами придется считаться даже таким большим начальникам, как здешние князья.

Нет ничего лучше, чем правильно подвигаться после легкого завтрака. А уж как нервы успокаивает.

Тем более что у меня отменный успокоитель. Я им частенько пользовался еще в той, цивилизованной жизни. Давненько же я его не практиковал. В этом мире тренировки с боевым оружием как-то предпочтительнее. Однако для разнообразия...

Этот комплекс называется таолу, насколько я помню. Китайский аналог японского ката. Для него требуется шест и немного свободного места. Собственно, все.

В качестве шеста я шест и взял. Один из тех, которыми прачка подпирала веревки для сушки белья.

Нормальная такая палка. Ровная. Мне осталось лишь отрубить рогульку, заодно укоротив ее до канонической длины.

Да, давненько я работал с шестом. Но ничего не забыл, понятное дело. Все базовые движения вросли в меня и пустили корни еще тогда, когда я бесчисленно повторял их в зале и на лесной полянке под неусыпным наблюдением китайского шифу.

Китайцу я, кстати, не нравился. Может, не было во мне чего-то важного. Например, китайской крови. Но ему нравились деньги, которые я платил за индивидуальные занятия. Вдобавок я помог ему встроиться в какую-то мелкую федерацию ушу. Мелочь, но полезная. И, конечно, он не мог не видеть, что я очень стараюсь.

Так что он отложил в сторону свою неприязнь и учил меня тоже очень старательно. Хотя, может, ему было на все это плевать и он просто выполнял приказ какого-нибудь руководителя диаспоры, велевшего работать со мной с полной отдачей.

Я тоже вел себя соответственно. То есть демонстративному уважению, которое он мне оказывал, я не верил ни на медный грошик. А вот профессиональным и преподавательским качествам доверял полностью. Так что все замечания выслушивал очень внимательно, ритуальные и тренировочные комплексы, включая и ритуальную их часть, отработывал со всем тщанием, запоминая их каждой подключаемой мышцей. А мышцы подключались, надо отметить, практически все.

И еще: вся эта ритуально-историческая гимнастика мне очень нравилась. Прямотаки восторг ощущал. И в какой-то момент вдруг осознал, что я на эту хрень подсаживаюсь. И что-то начинает меняться в моих жизненных приоритетах.

Причем совсем не так, как хотелось бы мне, но, подозреваю, вполне желательно для моего китайского учителя. Не скажу, что умом понял, что происходит, но чуйка выдала тревожную трель, и я резко сдал назад. Гимнастика? Прекрасно. Возможность практического применения? Вообще замечательно. Успокаивает нервы? Тоже пригодится. Остальная китайщина пусть отправляется к воронам, как выражаются мои здешние кореша.

На этой бодрой ноте мы расстались с шифу. К обоюдному, полагаю, удовольствию.

При освоении местной копейной техники навыки той работы с шестом мне оченьгодились. Тем более что в своей исконной форме вся эта хрень была заточена именно под копье. Вернее, под разное древковое оружие. Шест и палка – это уже выхолощенный под цивилизованные времена вариант. Ну, да это вещи общеизвестные.

Итак, прикинув баланс укороченной жерди, я содрал с веревки полотенце и повязал им один из концов. Тоже дань традиции.

Потом огляделся. Перед тем как развлекаться, следовало немного поработать вождем и проконтролировать обстановку.

Народу на подворье было немного. Пара местных трэлей свежевала овцу. Хмурый Скиди с утра пораньше гонял условно молодых: Хавура Младшего Хакисона и Виги-Вихорька. В основном доставалось Вихорьку, потому что Хавур при взятии Водимировой крепости схлопотал мечом по спине. Рана неглубокая, но какое-то время Хавуру стоило побережиться, и Скиди это было известно. А вот Вихорек вышел из того боя в полной сохранности.

Я понаблюдал за ними секунд тридцать и удовлетворенно хмыкнул. Скиди тоже приходилось попотеть. Я в свое время поставил приемному сыну задачу: отрабатывать обоерукий бой, так сказать, «по-варяжски». И сейчас он именно этим и занимался. И для вооруженного щитом и мечом Скиди Вихорек был весьма неудобным противником. Этак еще год-другой – и малыш превзойдет коренного скандинава. А может, и нет. Ведь Скиди тоже неплохо прогрессирует.

Следующий взгляд – на мой, вернее, наш с Медвежонком, драккар. Он в порядке, наш славный кораблик. Отдыхает у причала. А ведь его чуть-чуть не угнали

водимировцы, когда захватили Ладогу.

Спас кораблик Дедята. Мастер-строитель и его артель во время налета работали на моем участке. С хоромами они уже закончили и занимались банькой. Люди они были опытные в плане внезапных разбойных нападений, а потому когда на Ладогу налетели злые вороги, Дедята вместе с артелью и наиболее ценным имуществом быстренько погрузился на «Северного Змея» и отошел от берега. Чем спас не только мой драккар, но и себя заодно, потому что до того, как перебежать ко мне, Дедята гнул спину на противника. Так что водимировские могли очень серьезно предъявить беглому холопу сотоварищи.

Но я все равно его премировал. За смекалку и шустрость. Без «Северного Змея» нам было бы совсем грустно, а так хоть есть на чем домой вернуться.

Если будет кому.

Нет, надо срочно выкидывать из головы мрачнюк, решил я и описал шестом сложную восьмерку. Начали...

Китайская магия сработала. Отпустило.

Я сдернул с шеста полотенце, вытер мокрую физиономию и с удовольствием поглядел на молодняк.

Бойцы сменили оружие и теперь бодро лупили учебными железками по учебным же, увесистым щитам, нарабатывая силовой базис и не отвлекаясь на прыжки и уханья вождя. Все правильно. Отвлечешься – схлопочешь. Больно.

По палубе «Северного Змея» деловито прогуливался Медвежонок. Проверял лючки для весел и сами весла, уложенные вдоль палубы. Драккар – это не просто плавсредство. Это, считай, живое существо. Морской дракон, несущий нас над пучиной. И состояние его должно быть безупречным, иначе эта самая пучина скажет: «Ам!» – и наш хирд дружно угодит в сети собирательницы утопленников великанши Ран и, как следствие, навсегда лишится права набивать брюхо, блудить и кромсать друг друга за праздничными столами Валхаллы.

Мои пляски с жердью побратима тоже не особо интересовали. Есть дела поважнее.

С полдюжины малолетних ладожан, расположившихся на нашем новеньком заборе, тоже глазели не на меня, а на Скиди с парнями. Глазели и пускали слюни. Завидовали. Воин в этом мире, считай, вершина пищевой цепочки. Или – социальной лестницы, если по-умному.

Опа! А что это такое с моим гением-стрелком? Бури, похоже, завис. Смотрит на меня, как будто я у него на глазах обратился в красну девицу. Не понял! Это что, мои ушуистские ката, то есть, простите, таолу на него такое впечатление произвели? С чего бы, интересно? Ничего ведь особенного я не проявил в сравнении с настоящими мастерами копья. Куда мне. Есть у меня один знакомец из Скоген Лифер[З - Скоген Лифер, Плотный Туман – так скандинавы называли Ирландию.], кормчий с забавным именем Долбаёт. Вот тот с длинным копьем управляется так, что, глядя на его забавы, отчетливо понимаешь: если Долбаёт долбанет по моему китайскому шифу, то настанет тому полный и окончательный кирдык. И ему, и всем прочим шифу, которых я наблюдал. Хоть разом, хоть порознь. Вот у ирландца, да, уровень. А мои прыжки – вот это именно забава. Козьи потягушки, как говаривала бабушка.

– Бури! – окликнул я средневекового снайпера. – Ты в порядке?

Мигнул. Встрепенулся. Подбежал ко мне... Бури! Подбежал! Это ж что он такое углядел в моей гимнастике?

Хотя...

Он же – восточный человек. Может, я ему родину напомнил?

– Господин...

Взгляд вечно прищуренных глаз – по-прежнему снайперский. Острый. А вот лицо...

– Господин, откуда ты... это?

Вид у моего бойца по-прежнему малость охреневающий.

- Что - это?

Бури тут же, вполне квалифицированно воспроизвел пару «па» моего боевого танца.

- Был у меня учитель, - уронил я небрежно. - Научил вот. Знаешь, как это называется? - поинтересовался я с умным видом, хотя фиг что понимал.

На викингов, к примеру, боевые пляски Хавгрима Палицы с его любимым рубящим копьём всегда производили куда большее впечатление, чем мои китайские попрыгушки. А уж эти парни разбираются в подобных вещах.

- Это называется танец пятого небесного стража фейцуй, растворяющего малые врата! - без малейшей запинки выдал мой загадочный стрелок.

Теперь уже охреневающий вид - у меня. Чего-чего танец?

Однако я справился и вернул правильное выражение лица. Ну да, мы там, в будущем, хоть и невежды во всяких там феншуях, но невежды тертые. Опять же в покер играть умеем.

- И откуда ты это знаешь? - интересуюсь я с умным видом.

Бури колеблется...

Вштырить-то его вштырило, но не настолько, чтобы он вот так вот сразу снял информационную защиту. Явно прикидывает, какой у меня допуск к гостайнам.

Нет, не вскрылся.

- У всех свои тропы, господин.

- Это все, что ты можешь сказать?

Глазки-бойницы стали еще уже. И с этакой высокомерной ехидцей:

– Могу сказать еще: твой учитель был – не из лучших.

С таким циничным сочувствием изрек: «Не из лучших». Мол, прими, девочка, суровую правду жизни. Мама с папой тебя обманули. Ты ни фига не принцесса. И внешность у тебя – самая заурядная. А мальчик твой целоваться к тебе не лезет не потому, что стесняется, а потому что изо рта у тебя... пахнет.

Ах ты ж...

Все мои текущие проблемы вдруг отошли на второй, а то и третий план. Развита в борьбе за выживание интуиция прям-таки рявкнула мне в ухо: «Мужик! Ты сейчас зацепил что-то а-афигенно важное! Не прощелкай клювиком!»

Сразу вспомнилось, кто во время нашего первого знакомства помешал мне отправить Бури в страну счастливой охоты.

А ведь мой Волчок не так уж часто вмешивался в мои личные дела. Разок: когда помешал заняться сексом с юной миленькой француженкой в келье захваченного викингами монастыря, еще разок, когда я принес гейс во спасение моей похищенной жены.

Хотя во втором случае мой Волк был как раз против, но я не внял. Вернее, не успел внять.

И вот теперь Бури...

– Да, мне ведомо, что он не из лучших, – ответно прищурился я. – А вот почему так считаешь ты?

Вот за такие высокомерные улыбочки вроде той, что изобразил сейчас Бури вместо ответа, настоящие средневековые феодалы и рубят головы, казалось бы, преданным слугам.

К счастью, я – ненастоящий. А мой комплекс неполноценности столь обширен и разнообразен, что ухмылки подчиненных занимают в нем самый низ рейтинга «оскорбленное самолюбие». Тем более что моя задача – не убить надменного подчиненного, а раскрутить на инфу.

– У меня было много учителей, – пренебрежительно уронил я. – Этот был не из главных. Однако он не дал мне повода не доверять его знаниям. Ты считаешь, он был невеждой? – Я изобразил задумчивость. – Не уверен. Возможно, это я был недостаточно внимателен... – Тут я сделал многозначительную паузу, а потом уронил небрежно: – ...Или ты.

– Не я, – качнул головой мой снайпер. – И не ты. Учителю не заметить твои ошибки невозможно. Все равно, что... – он умолк, подбирая слова: – Все равно что не заметить брешь в стене щитов.

Очень хорошо. Телега стронулась. Поедет или нет?

Я молчал.

Бури тоже молчал. Сверлил меня глазами-буравчиками...

И – наша взяла! Он решился!

– Позволь, господин, я покажу.

Я солидно кивнул, проглотив ликующий вопль.

Сейчас произойдет что-то невероятно важное.

Я чуял это так же явно, как рыбную вонь от развешенных на берегу сетей.

Брать жердь Бури не стал. Воспользовался одним из учебных копий, трехметровым, то есть древком без наконечника, почти на метр длиннее моей жердины.

Взял и начал движение.

Сначала я не заметил ничего особенного. Практически тот же рисунок. Ну разве что движения не такие размашистые, а более экономные, и темп побыстрее.

Но вскоре я увидел и отличия. В одном месте – совсем по-иному идет переход из позиции в позицию. В другом выхлест заканчивается не открыто, с фиксацией, а уходом в еще одно вращение, со снижением центра тяжести и выходом на следующую связку не через обрыв и остановку, а без разрыва. И мне, человеку опытному, сразу стало понятно, что именно так и надо. Действительно, брешь в стене щитов. Мог бы и раньше заметить.

Теперь я следил с утроенным вниманием, но больше таких серьезных пробелов не было.

Впрочем, я старался запоминать любую мелочь. Слава богу, память у меня в таких вещах безупречная. Неудивительно. С моим-то опытом.

О! Еще одно отличие. Бури закончил таолу не резким срывом, а плавненько перетек из конца в самое начало.

А ну-ка теперь и я попробую откорректированный вариант.

Повтор комплекса мы начали уже вместе. И я опять увидел небольшие отличия, причем очень интересные. Бури увеличил темп и как бы оптимизировал под это ускорение общий рисунок. Оч-чень интересно! И очень органично. Я прям-таки всем своим организмом ощущал, насколько удобнее (по-другому не скажешь) стало двигаться. Это было как музыка, только пели не голосовые связки, а все тело. И я вдруг понял, что к такому важнейшему делу, как убийство себе подобных, этот, как его, танец небесного стража не имеет никакого отношения. Что это именно «открытие врат», как поэтично выразился суровый Бури. Только не на то небо, которое над головой, а на то, которое... Нет, не внутри. Внутри – это частность. То, которое везде.

А мы тем временем прогнали весь комплекс еще раз и еще быстрее.

А потом пришел мой Волк, и теперь мы с ним двигались вместе. И хотя танцевали мы по-разному, но танец у нас был все равно один. И мир танцевал вместе с нами, хотя двигались теперь только мы вдвоем. Бури давно уже остановился и просто смотрел, тяжело дыша, опираясь на копейное древко. И

пацаны на заборе тоже глазели теперь не на Скиди с молодыми, а на меня. И Скиди, Хавур и Вихорек – тоже на меня. И даже Медвежонок, забросив осмотр драккара, пялился на наш танец, скалился и помахивал лапой в такт стремительным прыжкам и броскам моего Волка. Ну да, он тоже видел. Но не лез к нам, потому что это был только наш танец. И я танцевал его здесь, на утопанной ладожской земле, точно так же, как плясал его тот здоровенный парень с обсидиановыми ножами из моих снов. И я теперь понимал, что значит «не из лучших». И выказанное Бури сочувствие тоже понимал, потому что, блин, самым краешком сознания примерно так же сочувствовал моему наемному шифу, который тоже думал, что он велик, а был всего лишь пахучей навозной кучкой на чужой грядке.

Я остановился сам. Не потому, что иссяк. Нет, силы были. И Волк мой никуда не ушел. Был здесь.

Просто ко мне в гости пришел еще кое-кто. Вернее, пришли. Заря и Вильд.

Глава 4. О крепости родственных связей

– Вильд, выйди! – немедленно потребовала Заря, как только мы вошли в дом.

Парень поглядел на меня. Кажется, я его удивил. Уж больно счастливая у меня рожа для человека, который только вчера разосрался не только с князем, но и с лидером его дружины, который заодно был их с Зарей отцом.

По мнению юного героя, я должен был пребывать либо в ярости, либо в глубокой печали. Уж не знаю, что им сказал папа, вернувшись, но вряд ли что-то хорошее.

– Выйди, я сказала!

Вильд гневный возглас сестры проигнорировал. Мужает парнишка. Еще месяц назад он бы вышел без звука.

Я кивнул и показал рукой: все будет нормально.

Мне он поверил.

- Отец хочет тебя вызвать! - Тут же выдала она главную семейную тайну. - Он на тебя страшно зол! Зачем ты его разозлил? Ты меня не любишь?

Ах какие глазки! Так и хочется сдаться на милость победителя.

Я не стал отвечать, просто поцеловал. Страстно. Наилучший ответ, который я знаю на такой вопрос. Особенно если можно на этом не останавливаться.

Останавливаться мы не стали.

От Зарёнки так дивно пахло! Солнцем, юностью, свежескошенной травой...

Рот она зажимала моей ладонью. Впивалась зубами так, что не будь я гребцом, прокусила бы до крови.

Впрочем, закончилось все быстро. Вряд ли оставшийся за дверью брат позволил бы нам миловаться долго.

- Я сбежала, - сообщила мне девушка, утираясь полотенцем, еще влажным от моего пота. - Давай сбежим вместе! Забери меня на свой остров! Клянусь Перуном и Мокошью, я буду тебе послушной женой!

Ага! Перун, как его там... Молниерукий, особенно располагает адептов к послушанию. На поле битвы. По пояс в крови врагов.

- Не получится, моя хорошая. Если мы сбежим, твой отец запросто нас догонит. У него - самый быстрый драккар на Лебединой дороге.

- Ой! Я не знала! - Расширила и без того огромные глазищи. - Тогда... он тебя убьет!

Тут же вскочила. Еле поймал. Практически на лету.

- Куда побежала?

- К дяде Ольбарду! Он вас помирит!

- Уверена?

Я не забыл, как Ольбарду недавно потребовалось разрешение Трувора всего лишь на разговор со мной.

- Только он и сможет. Может быть... - и пригорюнилась.

Я присел рядом, согрел ее лицо в ладонях, сказал как можно увереннее:

- Не уверен, что твой отец меня одолеет. А я... постараюсь его не убивать.

- Это невозможно! - с глубокой печалью и с абсолютной уверенностью заявила Заря. - Ты хорош с мечами, Ульф, но отец - самый лучший. Если меж вами случится бой, кто-то обязательно умрет. Если это будешь ты, я взойду на твой костер, так и знай! А если ты победишь, между нами ляжет кровь отца - и нам никогда не быть вместе!

Ну да. Перспектива в целом верная. И не воодушевляющая. Но я все равно чувствовал душевный подъем. После сегодняшней пляски с шестами я был почти уверен, что мой Волк непременно придет, если я его позову. А с ним на пару мы будем очень сложной добычей даже для такого охотника за нурманскими головами, как Трувор Жнец.

- Знаешь, Зарёнка, мне почему-то кажется, что нам с твоим отцом еще рано в Валхаллу, - сказал я. - Если богам будет угодно, мы оба уцелеем.

- В Ирий, - машинально поправила Зарёнка. Ну да, это я - в Валхаллу, а ее папа - в загробный мир крутых варяжских парней.

- Бывает так, что в живых остаются оба, - сказал я. - Знаю такие случаи.

- Или оба - гибнут, - мрачно парировала Заря. - Я такое видела.

Я тоже такое видел. Но будем надеяться, что это не наш случай.

- Вильд, - позвал я. - Заходи.

- Ты ему сказала? - первым делом поинтересовался парень.

Кивок.

- Что будешь делать?

Это уже ко мне вопрос.

- А у меня есть выбор?

- Есть. Забирай свою дружину и уходи. Прямо сейчас. Тогда ты сохранишь и жизнь, и честь!

- Уже нет, - улыбнулся я. - Теперь, когда вы мне сказали, уже нет.

Брат и сестра переглянулись. Потом Вильд кивнул, признавая мою правоту.

- Ты оскорбил его.

- Да, - признал я.

- Как?

- Ты и впрямь хочешь это знать?

- Хочу!

Упрямый парень. Мне это импонирует.

- Зачем?

- Если ты окажешься сильнее, я буду мстить. Хочу знать, за что.

– Это не обязательно, – покачал я головой. – Вчера я предложил Трувору чистый поединок. Чистый от мести. Сегодня будет так же.

– Я хочу знать!

Вот же упорный. Использовать его для информационной диверсии, что ли? Такой в себе держать не станет. Все, что я ему сейчас скажу, станет известно всей варяжской дружине. Велика ли вероятность, что моя версия событий будет принята? Среди варягов меня уважают. Но уж точно не больше, чем Трувора. Хотя у Трувора в данной ситуации позиция слабая. Однако есть еще Ольбард, лицо, скажем так, незаинтересованное. А Ольбард Синеус... Как по мне, так он еще и покруче, чем Трувор. Будь я на месте Рюрика, я бы именно его сделал лидером варяжской дружины. Да он и был лидером, когда мы все ходили под одним парусом. Это, кстати, интересный вопрос: почему Рюрик произвел такую рокировку. Не от того ли, что, по словам Зари, ее папа был номером два в градации варяжской элиты. Сразу после их главного князя Улеба? Трувор – второй, а Ольбард – только третий... Но он точно не глупее Трувора и отлично знает, что «правд» ровно столько, сколько заинтересованных в исходе сторон. И моя интерпретация событий весьма уязвима. Хотя бы потому, что в любом бою потери неизбежны, а победитель – тот, кто сумел отхватить крупный куш. Цель оправдывает средства, как гласит пословица[4 - Вообще-то данную фразу приписывают основателю ордена иезуитов, но герой вправе об этом не знать.]. Да, моя трактовка событий уязвима, но почему бы не попробовать?

– Хочешь знать, что я сказал твоему отцу, Вильд? Я сказал ему, что он обменял кровь ваших отроков на милости князя Рюрика.

– Их убили в бою! – тут же возразил парень. – Мы победили, и князь вознаградил нас за победу. Нехорошо, что князь ничего не дал вам. Я считаю это несправедливым, и не я один. Но при чем здесь отец? Это бой. В бою убивают. Меня тоже могли убить. И тебя.

– Меня убить труднее, чем тебя. Такие, как ты, были не готовы к такому бою. И твой отец не мог этого не знать. Потому и устыдился, когда я сказал ему об этом. Устыдился и рассердился. На меня. Так бывает, парень. Когда тебе напоминают о том, что ты хочешь забыть, ты сердисься не на правду, а на того, кто ее сказал.

– Не вижу ничего постыдного в том, чтобы погибнуть в бою! – решительно заявил Вильд. – Мы – воины. Мы знаем, что у наших врагов тоже есть мечи!

Пафосно так сказал. Наверняка повторил чей-то лозунг.

– Вот из-за этого мы с твоим отцом и поспорили.

Надеюсь огорчение, которое я изобразил голосом и выражением лица, выглядело искренним.

– В отличие от твоего отца я никогда не согласился бы послать в бой тех, кто к нему не готов. Я не послал бы своих умирать только потому, что кто-то так захотел. Я считаю, что умирать должны враги, а не мои хирдманы. И у твоего отца были те, кто не дал бы себя убить. И поначалу он именно их и хотел отправить вместе со мной. Не отроков. Гридней. С Ольбардом во главе. Но Рюрик не разрешил. Это он велел, чтобы со мной пошли вы, хотя это был не ваш бой. Вы были не готовы. Ни один из вас, кроме Харры. И твой отец это знал. Но Рюрик велел – и твой отец сделал, как велено. И вчера я ему об этом напомнил. То, что он продал вашу кровь, ваши жизни Рюрику.

– Но князю-то зачем наша смерть? – Вильд все еще сомневался.

– Не ваша, моя. И моих хирдманов. Если бы нас убили, Рюрику не пришлось бы нам платить. И, скорее всего, наше имущество и нашу добычу он бы тоже забрал. Если бы нас всех убили. И вас – заодно с нами. Он так все и задумал, я полагаю. Мы взяли крепость для Рюрика, но тот не особо к нам торопился. И позволил Водимиру прийти первым. Думаю, он нарочно пропустил Водимира. Чтоб тот убил нас. Но не успел закрыться в крепости. Вчера Рюрик сказал кое-что. И слышали это все. Твой отец – тоже.

– Что он сказал?

Парень изрядно заинтригован, я вижу. И Заря тоже внимает, приоткрыв очаровательный ротик.

– Он проговорился. Сказал: если бы он промедлил, нас убили бы всех.

- Но ведь он, получается, не промедлил?

- Нет, - покачал я головой. - Он не медлил. Он выжидал, пока не закончится наш бой с Водимиром. А когда люди Водимира захватили терем, он подождал еще немного, чтобы быть уверенным, что нам всем конец, и только тогда вступил в бой. Рюрик все рассчитал, но не знал, что мы не будем обороняться до последнего, ожидая подмоги, а запремся в подвале. И даже сумеем отбиться. Мы хорошо дрались, Вильд! Мы все. И ты, и твои родичи. Но они были не готовы. А вот ты, я думаю, да. Ты оказался лучше, чем другие.

- Ты так думаешь? - Вильд чуть зарумянился от похвалы.

- Ты жив, а они - нет, - огласил я очевидный факт. - Мы все были хороши. Думаю, мы отбились бы, даже если бы Рюрик задержался и подольше. Но он больше не мог ждать.

- Почему? - Вильд внимал мне, как истовые прихожане - пастырю.

- Потому что еще немного - и Водимир успел бы затворить ворота, - пояснил я. - И тогда ладожане наверняка обломали бы зубы о его Детинец и убрались несолоно хлебавши. Тем более, не займи мы оружейную, Водимир пополнил бы запас стрел. Он ведь все на нас извел, пока брал крепость и терем. Потому-то Рюрик и побил его так легко.

- Выходит, это мы подарили ему победу! - сделал очевидный вывод Вильд.

Ишь как заулыбался. Приятно быть героем. Ну а теперь - еще один штришок в новую картину Вильдова мира. Пусть парень осознает: его не только лишили славы, но и ограбили.

- Да. Мы подарили ему победу, воин! Я, мой хирд. Харра. И ты тоже. И это мы взяли сокровищницу Водимира! - Я сделал паузу, чтобы вьюнош осознал и проникся. - Она была наша по праву меча, Вильд! Это были наши богатства! И мы разделили бы их так, как делят воинскую добычу у нас, воинов Севера! Каждый получил бы долю. Я - долю хёвдинга. Ты - долю хускарла. Рюрик тоже получил бы свою долю, он ведь князь. Думаю, десятая часть была бы справедливой. Но он пожелал захватить все. И захватил. А потом еще и наградил из нашей, в том числе и твоей, добычи дружинников Гостомысла, которые, не

будь нас, уже лизали бы Водимиру сапоги. Твой отец, Вильд, должен был вступить за правду, ведь он – вождь. Выскажись он против решения Рюрика, тот не рискнул бы отнимать чужое. Но Рюрик пообещал ему землю и данников из тех, что раньше кланялись Водимиру, и твой отец решил, что слова князя и есть правда. А может, он теперь сам стал как Рюрик и его правда теперь такая же, как у его хозяина Рюрика. И не важно, что среди тех, у кого отняли добычу, не только мы, нурманы, но и ты, его сын, и Харра Стрекоза, и остальные, включая тех, кто погиб. Получается, они с Рюриком не только погубили тех отроков, но и ограбили. Так бывает, Вильд. Два самых сильных волка схлестнутся за право быть вожаком, а третий, послабее, стоит в сторонке и ждет. И если победа достанется сильнейшему большой кровью, то этот, слабый, нападет внезапно и вцепится раненому в горло.

– Не думал, что Рюрик такой... – пробормотал Вильд. – Мне говорили – он великий воин.

– Он был великим воином, – уточнил я. – Кому, как не мне, это знать, ведь я ходил на франков под его знаменем. Но так было раньше. Ты видишь, каким жадным он стал, а жадность свойственна слабым. Раньше, до ранения, Рюрик был силен. Теперь он слаб и потому меня не удивляет то, что он делает. Огорчает, да. Это меня не удивляет. А вот то, что каким стал твой отец, вот это меня удивило. Может, защищая слабого князя, и сам становишься слабым, – задумчиво, будто размышляя, проговорил я. А потом театрально взмахнул рукой, будто сметая сомнения: – Так или иначе, Вильд, но и по нашему Закону, и по вашей Правде казна Водимира должна была стать нашей. Ее добыли мои хирдманы и вы. Я не видел князя Рюрика в подвалах Водимира, когда там шел бой. Может, ты видел?

Парень мотнул головой.

– Вот видишь! Это мы добыли и делить ее – тоже нам, причем часть должна была достаться тем, кто погиб. Их родне. Так у нас полагается.

– У нас тоже, – буркнул мрачный Вильд. – Так по Правде.

– Да! – отчеканил я. – Так по Правде! Именно это я и сказал твоему отцу. Сказал прямо в лицо, при свидетелях. Сказал, что он предал своих. И нас он тоже предал, ведь и он был моим другом. Обещал выдать за меня Зарю! – Девушка

всхлипнула. Ее мой монолог ужасно расстроил. Я даже ощутил легкие угрызения совести.

Но Трувор сам напросился. Они с Рюриком меня предали. Я считал их братьями, а они решили, что я у них – песик на побегушках. Большая ошибка! У меня есть не только клыки, но и мозги. И я умею ими пользоваться.

– Мы могли бы стать родней, Вильд, – продолжал я с подчеркнутой мрачностью. – Теперь уже не станем. Я сказал твоему отцу правду, а он ответил, что не отдаст мне Зарю, потому что я спорю с князем Рюриком. И драться со мной он тоже не будет, потому что я, мол, пьян и говорю глупости! А говорить со мной он будет сегодня, когда я протрезвею.

– А ты был пьян? – поинтересовался Вильд.

– Наверное, – я снова пожал плечами. – Будь я трезв, может, и не стал бы его обижать. Однако он тоже выпил немало и сидел за нашим столом. Он был гостем в нашем доме. У нас не принято оскорблять гостей. («У нас – тоже», – поддакнул Вильд). Но твой отец оскорбил первым. И меня, и моего брата Свартхёвди, и всех нас. Вот я и сказал ему все, что думаю. Всю правду. Такие дела, Вильд. Но спасибо тебе, что пришел. Ты знаешь, что такое честь. И не жалею, что предупредил меня о планах отца. Я все равно не собирался уходить из Ладоги, так что поединка не избежать.

И мы втроем дружно пригорюнились. Причем все, включая меня, горевали искренне. Молодежь – о несправедливости мира. Я – об упущенных возможностях и будущих невзгодах.

– Ульф! Почему мой отец так поступил с нами? – Вильду было погано. До сегодняшнего дня он жил в совсем другом мире. Мире, в котором его отец был воплощением чести. Правды, как у них говорят.

Нехорошо, конечно, настраивать сына против отца, но в войне все средства хороши. А у нас с Рюриком отныне война. И Трувор играет не за нас, так что придется ответить. Я понимал, что воюю не из-за добычи, которую у нас отняли. Это Медвежонку обидно, а мне на деньги плевать. У меня их хватает. Да и побратим мой тоже не из бедных.

А вот факт того, что нас кинули, я прощать не намерен. И если Рюрик захочет от нас еще что-нибудь откусить, например отобрать наш драккар, я ему устрою такую партизанскую войну, что через месяц он будет рад всей взятой на Водимире добычей откупиться.

«И вообще, какого хрена он тут делает, Хрёрек-датчанин? – вдруг подумалось мне. – Раз ты кровный датский конунг, так и двигай к себе в Хедебю, под крылышко конунга всех данов. А я здесь – по праву. Это, можно сказать, земля моих предков. И бежать отсюда я не собираюсь!»

Умом я понимал, что пришедшие в мою озабоченную голову «патриотические» мысли – сомнительной достоверности. Но мне они нравились. Соответствовали моему душевному состоянию. И Зарю, кстати, я тоже не отдам. Девушка меня любит. А что папа ее – нет, так это его проблемы. Пусть пойдет и полюбится со своим любимым князем!

Я хохотнул, очень удивив впавших в печаль брата с сестрой.

– Ничего! – заявил я бодро. – Боги правду видят. Глядишь, образумится ваш батя.

– Ты говоришь так, будто уверен в своей победе, – произнес Вильд, изучая меня специфическим взглядом прирожденного бойца.

– Так и есть! – безмятежно заверил я.

И далась мне эта уверенность совсем легко. То есть я понимал: если мой Волк не придет, то против Трувора я и пары минут не выстою. Но он придет. Как там сказал Бури? Танец пятого стража фаньсуй? Ничо! Нормально станцуем. Откроем, что требуется! Никому мало не покажется!

Я поцеловал Зарёнку, хлопнул по плечу Вильда и махнул рукой: мол, двигайте! У хёвдинга Ульфа еще до хрена дел. Например, постараться не убить до смерти вашего папу. Но это – во-вторых. А во-первых...

Глава 5. Трувор Жнец – воин Перуна

– Тебе так хочется меня убить?

Кажется, вчера я уже задавал ему этот вопрос. Или он – мне?

Ну да, сегодня расклад другой. Нас – меньше. Варягов аж десятка два. Причем все – незнакомые. То есть знакомые, но исключительно внешне. Из тех, с кем я когда-то ходил в вики, – никого. Ни Ольбарда, ни Рулафа, ни Харры, ни остальных. Понятно, почему нет Зари. Ей отец и запретить мог, но почему нет Вильда? Как-то не верится, что всем им по барабану, чем закончится наш поединок.

Хотелось бы знать, почему их нет. И почему Трувор появился так поздно. Брат с сестрой были у меня с утра, а сейчас уже часа четыре пополудни.

На моем дворе сразу стало тесно, хотя половина варягов осталась снаружи, за символической чертой недостроенного забора.

Зато есть еще кое-кто, помимо варягов. Протиснулись через толпу. Вернее, прошли, потому что таким головорезам дорогу уступают даже варяги.

Даны Ульфхам Треска и Оспак Парус. Нурманы, как их здесь называют. И они, похоже, сами по себе. Поздоровались с нами вполне дружелюбно и встали отдельно от варягов.

– Ну, с чем пожаловал, Трувор Жнец? – осведомился я добродушно. – Неужто извиниться?

Это я ловко его поддел. Он и так был на взводе, а теперь и вовсе осерчал.

– Я убью тебя, Волк, – заявил Трувор с холодной яростью. – Ты встал между мной и моей кровью. За это – только смерть.

Так... Какая странная претензия! Ну да не важно. Главное – намерение он обозначил. Что ж Трувор такой злой сегодня? Не похоже на него, вообще-то. Но это и к лучшему. Позлим его еще немного. Глядишь, вконец рассвирепеет и скажет что-то совсем неуместное. Или сделает.

Я ухмыльнулся попаскуднее и проворчал по-нурмански:

– Вернее было бы сказать, я в мошну тебе залез! Мы все знаем: для тебя родная кровь – товар на продажу!

Ответил я именно на языке викингов, чтоб было понятно всем моим людям и данам Рюрика – тоже. Ну и заодно свою социальную принадлежность обозначил лишний раз. Чтоб всем, кто понимает, напомнить: я – Ульф Хвити с Сёлуна. Пусть мой остров отсюда далеко, но драккары данов ходят на-амного дальше.

– Твой змеиный язык... – начал Трувор, но я перебил:

– Ты вроде сказал, что собираешься меня убить? Если это значит: заболтать до смерти, то я уже сдался! – Я продемонстрировал открытые ладони. – Думаю, тебе стоит выбрать для такого поединка женщину. Тут я тебе не соперник.

Кто-то из моих засмеялся. Кажется, Скиди. Но сразу умолк, потому что Трувор выхватил меч.

– Я убью тебя вот этим! – пообещал он. – Раньше, чем солнце коснется деревьев!

– Во-от! – одобрительно произнес я, меча, впрочем, не касаясь. – Слова воина, а не торговца. Еще немного – и я поверю, что передо мной прежний Трувор. Тот, которому я верил и за которого был готов умереть. Мы будем сражаться здесь или пойдём на перекресток, по вашему обычаю?

– На перекресток! – рыкнул Трувор, развернулся и вышел, сопровождаемый варягами.

А вот Ульфхам Треска задержался:

– Конунг просил передать: если тебя не прикончит Трувор, он сделает это сам.

Я фыркнул:

– Треска, ты сам-то понял, что сказал? Твой князь надеется сам выиграть хольмганг, проигранный Трувором? Вызвать-то он, может, и вызовет, а вот

драться... Он и в прежние-то времена не рвался в круг выходить. Все больше других выставлял. Вам ли не знать.

Даны промолчали. Вспомнили, небось, как я за Хрёрека с громилой Торсоном сошелся.

Из дома появился Вихорек. С моими доспехами и оружием.

– Я не знаю, что имел в виду мой конунг, – наконец произнес Ульфхам. – Но я знаю, что он очень зол на тебя.

– Вот как? – Я надел подкольчужник. – Он украл нашу добычу и чем-то недоволен? Или ему показалась недостаточной взятая нами Водиминова казна? Ну так это претензия не ко мне, а к Водимиру. Пусть найдет его и потребует объяснить, почему тот слишком много тратил на своих хирдманов, вместо того чтобы копить в сундуках. – Я встряхнулся, чтоб кольчуга легла ровно, застегнул тяжелый широкий пояс, перекинул плечевой ремень. Вихорек подал мне саблю, которую я прицепил справа.

– Хрёрек зол, потому что от него ушел Ольбард вместе с половиной варягов! – сказал Треска. – Говорят, это твоя вина!

Ольбард ушел! Вот это новость так новость! Объясняет, почему Трувор появился так поздно. У них там, надо полагать, неслабая разборка случилась. С подачи Вильда. Вернее, с моей. Молодняк наверняка завелся. Я на это и рассчитывал. Но Ольбард... Ему-то с какого перепуга отделяться? Не верю, что он купился на мою «картину мира». И тем не менее пошел в раскол. Неужто за меня обиделся? Тоже не верится. Ольбард Синеус – муж тертый и ума неслабого. То, что Ольбард справедлив, я знаю наверняка. Но с Трувором они – друзья настоящие и родня вдобавок. А я так... бывший сопалубник. Быть же на стороне своих – это и есть высшая справедливость. Кому, как не мне, знать.

– А в том, что Сигурд Рагнарсон его копьем продырявил, случайно не я виноват? – поинтересовался я саркастически. – Думаю, не простое это было копье, а волшебное. Потому что как иначе объяснить, что Хрёрек, которого я знал, из славного конунга превратился в князя Рюрика, которому деньги дороже верных людей? Что скажешь, Ульфхам?

– Тебя это не касается!

– Еще как касается! – возмутился я. – Я-то пришел к Хрёреку! К Хрёреку, которого я знал. Он честно распоряжался тем, за что заплачено железом. Шел к Хрёреку-конунгу, а нашел князя Рюрика, который гребет все под себя. Думаю, надеется заменить верных теми, кого можно купить. Очень предусмотрительно, потому что верных у такого вождя скоро не останется.

– Говори, что хочешь, Ульф-хёвдинг, но мы преданы своему конунгу! – проворчал Ульфхам. И Оспак его поддержал.

Однако я видел, что зерно сомнения я заронил и в их души. Это удачно получилось. Закладка на будущее. Если, конечно, оно у меня есть. Когда впереди драка с Тривором Жнецом, гарантию будущего ни одна страховая компания не выдаст.

– Я тоже был ему верен, – я согнал улыбку с лица, изобразил если не печальку, то как минимум разочарование. – Был верен – и что же? Все видели, как Рюрик обошелся с нами вчера. Ты считаешь это справедливым, Треска? А ты, Парус?

Даны не ответили.

– Нет моей вины в том, что не только у меня есть глаза, – заявил я. – Вы знаете Ольбарда. Он был нашим кормчим, а это значит: мы все считали его человеком справедливым и мудрым. И Хрёрек тоже так считал. Когда-то. Что же вы удивляетесь, что Ольбард ушел? Он увидел, как обошелся со мной Рюрик, и решил, что рано или поздно окажется на нашем месте. Потому и ушел.

Я затянул ремешок шлема, покрутил головой, подвигал плечами, проверяя, как лежит броня, и продолжил:

– Большая глупость – грабить тех, кто сражается и побеждает для тебя. Можешь передать князю: я не говорил с Ольбардом. Но я его понимаю и присоединяюсь к его решению. Если Рюрик считает, что я ему больше не нужен, мы уйдем домой, на Сёлунд. И отдадим свои мечи настоящему конунгу.

– Рагнару? – оживился Парус.

– Ивару Рагнарсону. Ивар помог мне, когда случилась беда. И не поскупился, хотя мог бы оставить себе даже мою долю от похода на англов. Но вместо этого он дал мне драккар и хирд Мурхи Рыжего Лиса, чтобы я смог вернуть жену и отомстить. Хирд, Ульфхам! Человеку, который тогда был не способен сам выйти за дверь, чтобы отлить.

– Я знаю, – кивнул Ульфхам. – Я слышал драпу о Волке и Медведе. Ивар – человек чести, и я тебя понимаю. Но если мой конунг хочет тебя убить, я это сделаю, потому что если Сигурд узнает...

– Я обещал, – напомнил я. – И я – тоже человек чести.

– Но твои хирдманы не обещали ничего, – сказал Ульфхам. – Если Сигурд узнает...

– ...Тогда вы меня убьете! – усмехнулся я. – Что ж... Если вы меня убьете, то я с удовольствием погляжу сверху, из Асгарда, как Рагнарсон отомстит Рюрику за мою смерть, – подхватил я.

– Если Трувор не убьет тебя сегодня, – ухмыльнулся Ульфхам и похлопал меня по спине. – Я помню, как ты пришел к нам, Черноголовый. Кто бы тогда мог подумать, что ты вот так сойдешься со Жнецом и к фразе «он тебя убьет» мне придется добавить слово «если».

Ульфхам назвал меня старым прозвищем. Так меня звали, когда мы с ним стояли в одном строю. Так он выразил мне свою симпатию. Ну да. Он мне тоже нравится. Что не помешает ему меня убить, если Рюрик прикажет.

– Спасибо, что напомнил! – Я дружески ткнул Ульфхама кулаком в живот. – Мне стоит поторопиться, не то Трувор решит, что я струсил! – Я засмеялся, и Ульфхам с Оспаком тоже захохотали.

Это приятно, когда такие, как они, верят в твою храбрость. Но себя не обманешь. Я лишь делал вид, что мне не страшно.

Трувор Жнец входил в список воинов, с которыми у меня не было ни малейшего желания сойтись в поединке. Возглавляли этот список, понятно, Рагнарсоны,

однако Трувор тоже был в топе.

Ну, мой Волк, надеюсь, на этот раз ты будешь рядом со мной. Иначе – никаких шансов. И что особенно скверно: это будет смерть не только моя, но и всего моего хирда. Рюрик не отпустит никого.

Мы двинулись к воротам, но там я немного задержался.

– Брат, – сказал я Медвежонку. – Если меня убьют, не мсти. Забирай всех и сразу уходите. И не вниз, к Ладоге, а вверх. Тогда, может быть, драккары Рюрика не успеют вас перехватить.

– Если тебя убьют, братец, мы уж как-нибудь разберемся, что дальше, – пробасил Свартхёвди. – А пока тебе придется очень постараться, чтобы этого не случилось. Трувор – достойный противник. Пожалуй, даже я с ним не управлюсь. Разве что Палица...

– Даже и не думайте! – прошипел я. – Никакой мести! Сразу бегите!

– Пустое говоришь, братец! – ухмыльнулся Свартхёвди. – Не думай ни о чем, кроме хольмганга! Думаю, ты уцелеешь, ведь боги тебя любят. Иначе еще три года назад Сторкад Бородатая Секира разделал бы тебя на много сочных кусков волчатины!

Я мог бы ответить побратиму, что боги тут ни при чем, но не стал. И не только из конспирации. Когда в тебя верят, это тоже часть твоей удачи. А удача мне сегодня понадобится как никогда!

Перекресток. Хорошее такое место. На пригорке над Волховом. Знакомое место. Именно здесь мой хирдман Бури зарубил мстительного варяга по имени Расмус. Тогда поглазеть на шоу собралось больше тысячи человек. Сегодня – существенно меньше, хотя наш с Трувором поединок наверняка будет не хуже. Надо полагать, после недавних событий зевак в Ладоге поубавилось. Или сарафанное радио не подключилось в полном объеме. Слишком мало времени прошло с момента вызова.

Трувор меня ждал. И варяги. И небольшая толпа зрителей, которая разошлась, пропуская нас к «арене».

– Щиты без замены! – крикнул мой секундант Медвежонок и захохотал, поскольку видел, что ни я, ни Трувор щитами пользоваться не собирались.

О! А это еще что за братва?

Распихивая толпу, в центр пропихнулся боярин Бобр с десятком Гостомысловых дружинников.

И немедленно провозгласил:

– Князь Гостомysl запрещает поединок!

Народ заворчал. Как же так? Кина не будет?

Я ухмыльнулся, поглядел на Трувора: что скажет?

– Твой князь мне не указ, – уронил лидер варягов. – Пошел прочь.

Бобр побагровел. Трувору не следовало говорить ему такое. Не следовало, но тут Бобр сам виноват. Надо быть тактичнее, когда разговариваешь с главной военной силой Ладоги.

Я мог бы посочувствовать оскорбленному боярину. Бобр, в принципе, мужик правильный. Но учитывая, что долька отнятого у нас упала и ему в закрома...

Нет, не буду я ему сочувствовать.

Кроме того, я понимаю, что этот плевок Трувора предназначался мне, а Бобр так... Подвернулся в неподходящий момент. Ничего, утретса боярин. Но запомнит наверняка. Такое не прощают.

А вот мне с Бобром ссориться ни к чему, так что я лишь пожал плечами:

– Не гневайся на него, боярин. Котел кипит, крышка звенит. И меня извини. Не я его вызвал, он меня. И не стану я отступать, потому что правда моя, а не его. Да он и сам это знает, – я ухмыльнулся. – Потому и булькает.

– Ты биться пришел или скоморошествовать? – нетерпеливо рявкнул Трувор.

– Я пришел на хольмганг! – заявил я. – Что ты суетишься, Жнец? Куда тебе спешить? Таких воев, как ты, боги принимают без очереди! Свартхёвди Сваресон, говори!

Медвежонок шагнул вперед.

– Поединок чистый! – проревел он по-нурмански. – Без замены оружия! Окончание его – невозможность одному из воинов продолжать бой!

Все в точности как я ему сказал по дороге.

Трувор медлил с ответом. Я ожидал, что он может запротестовать и потребовать боя до смерти. Он был вызывающей стороной и имел на это право.

Нет, не стал. Вероятно, решил, что сумеет меня прикончить в любом варианте. А может, тоже решил дать мне шанс выжить. В конце концов, он довольно долго был моим наставником, а это просто так со счетов не сбросишь. И на насмешки мои недавние он вряд ли обиделся. В сравнении с тем, как поносят друг друга перед поединком славные скандинавские парни... Так что я его вроде даже похвалил. Отметил выдающиеся воинские качества.

Короткий кивок и шелест покидающих ножны мечей.

Толпа резко подалась в стороны, освобождая место. Никому не хотелось угодить под случайный удар.

Я тоже извлек клинок из ножен. Пока только Вдоводел. Встал в позицию. Сделал пару движений, словно держал в руке шест, а не меч, глянул в небо... Ну где там мои малые врата?

Врат я не увидел, зато ощутил знакомую дивную легкость и радость, пузырящуюся в груди, как шампанское в новогоднем бокале. И ничуть не удивился, когда, опустив взгляд, увидел Волка.

Я засмеялся от счастья. Трувор Жнец с его поднятыми в готовности к атаке мечами показался мне таким забавным. Неужели он думает, что сможет перетанцевать нас?

Однако я не спешил. Волк уселся на траву, глядел на меня снизу. Он улыбался, высунув язык...

А вот Трувор, похоже, немного растерян. Блин! Да он же никогда нас не видел вот так, напротив себя. Мы немало сражались вместе, и у него была возможность поглядеть, как мы бьемся на пару с моим великолепным зверем. Мог... Но, скорее всего, не обратил внимания. Потому что сам в это время был очень занят умерщвлением наших общих врагов.

«Что ж, Трувор Жнец, похоже, я сумею тебя удивить», – подумал я, неторопливо извлекая из ножен саблю. Потанцуем?

Вот черт! Да, я его удивил. Но и он меня – тоже. Мечи в его руках взлетели, опали и снова взлетели, окутывая его таким знакомым сиянием. Не может быть, он же не берсерк и не ульфхеднар!

– Перун! – пронзительно выкрикнул варяг и устремился на меня. А я, ликуя, помчал ему навстречу, потому что уже знал: сейчас придет счастье! Потому что есть лишь одна радость, превышающая радость от моего танца. Это когда танцуешь его вдвоем с достойным!

Мы сошлись раньше, чем толпа успела взреветь. И сплели наш общий дивный узор из поющей стали. Наши клинки гудели, как корабельные ванты в шторм. А когда иногда они соприкасались, звон их разлетался, как морская пена, сорванная шквалом.

Это было весело и ничуть не страшно, потому что я был уверен, что металл не может коснуться меня, потому что я видел весь рисунок боя целиком, и мне было совсем нетрудно находиться внутри. Однако я знал и то, что мой партнер так же неуязвим, как и я. Только он этому почему-то не радуется. Он хочет, чтобы алые

брызги взлетели ввысь, к небесам. Он думает, что сегодня именно такой танец будет правильным.

Меня это веселит. Пусть думает, что это он ведет наш танец. Когда он прозреет и поймет, что мы оба – листья, которые кружит ветер, это и будет победа...

Но не получилось.

Мой волк обиженно взвизнул. Он хотел продолжать. Я тоже хотел продолжать, но...

Все кончилось.

Трувор отступил.

Я опустил оружие.

Некоторое время мы так и стояли. Молча. Мир потускнел. Стал обычным. Волк ушел. «Врата» закрылись.

– Хорошо бился, – сказал варяг.

Выглядел он... Как бы это сформулировать... Озадаченно, что ли.

– Ты тоже, – ответил я.

Варяг хмыкнул... И убрал клинки в ножны.

Вот теперь кино действительно закончилось.

Я тоже убрал Вдоводел с саблей.

Ну да, было бы неплохо при всем честном народе превзойти Жнеца, но ничья – тоже неплохо. Как там у восточных классиков? Неуязвимость – в тебе самом, возможность победы – в противнике? И Трувор мне такой возможности не дал. Ну да не убил – и ладушки. Вопрос: что дальше?

И вопрос, надо отметить, не только у меня.

– Эй, Жнец! Ты что делаешь? Так нельзя! Это ж хольмганг!

Оспак. Неужели его так огорчило, что никто не умер?

– И что с того? – буркнул Трувор по-нурмански. – Что не так, Парус?

– Так это... Сказано же: до невозможности продолжать бой. А вы...

– Я и не могу, – проворчал Трувор. – Устал. И в горле пересохло.

Я подумал: если предложит мне выпить с ним пива – соглашусь. Старый друг лучше новых двух. Посрались – и будет. Заря, опять-таки...

Не предложил. И будто мысли мои прочитал.

– О дочери моей забудь! – рыкнул Трувор, растолкал плечами своих и ушел к князьему терему.

Разочарованные зрители начали расходиться. Ну да, никто никого не убил. Какая досада.

Мои тоже двинулись к дому.

А мне преградил дорогу Ульфхам.

– Не забыл, что я тебе сказал?

– Да хоть сейчас! – мгновенно отреагировал я, берясь за рукоять Вдоводела и задирая подбородок, чтобы глядеть Ульфхаму в глаза. Здоровенный он вымахал, Треска. Метр девяносто, не меньше.

– Я тебе не враг, сын Вогена! – не принял вызова главный телохранитель Рюрика. – Будь моя воля, вчера ты был бы первым при разделе добычи.

- Но воля - не твоя, - произнес я с намеком. Треска понял правильно.

- Я нужен конунгу, - сказал он. - И я ему верен.

Ну да, Треску Рюрик не кидал. А меня не кидал Треска.

- Без обид, друг, - я похлопал дана по обтянутому льняным рукавом предплечью. - Спасибо, что напомнил.

- Ты меня слышал, - сказал Ульфхам без улыбки. - Так что и ты не держи на меня зла, если...

Он не договорил, но и так понятно. «Я верен своему конунгу». А конунг считает, что здесь, в Мидгарде, мне больше не место.

По мне - так в свинячий анус такого конунга! Но - побережемся. Поединка с Треской я не боюсь. Но, боюсь, поединка и не будет. Есть множество других способов прикончить такого, как я. И Ульфхам в таких делах эксперт.

Надо из Ладogi валить. Причем не откладывая. Вызовов больше не будет. Придут большим коллективом и размажут нас по стеночкам. И скоро. Следовательно, бежать надо быстро. Лучше - этой ночью. И еще: совсем не хочется, чтобы нажитое здесь, в Ладогe, имущество заграбастал Рюрик. Значит... Значит, надо поговорить с другой командой. И я даже знаю с кем.

Глава 6. Хитрый план побега

- Уж прости, боярин, что не подчинился, но сам понимаешь: маловато нас, чтобы с варягами бодаться. Если бы я отказался, то ты со своим десятком вряд ли сумел бы нас защитить.

Бобр мрачно кивнул. А поскольку был не дурак, то сразу спросил:

- Чего хочешь? К нам?

– Не могу, – отказался я. – У нас же ряд с Рюриком. Уйти могу – он даже, наверное, рад будет, что серебром нам платить за службу не придется. А если мы к вам перейдем, то всем хуже будет. С варягами у меня теперь дружбы нет, а у вас и не было. Вчера мы с Трувором без крови разошлись, но это потому, что я постарался. Он-то меня убить хотел.

– А ты почему его пожалел? – недоверчиво поинтересовался Бобр.

– С дочерью его у нас... В общем, я ее второй женой взять хотел. Трувор был не против. До вчерашнего. Вот я его и пощадил. Может, еще помиримся. А если бы убил, тогда... Сам понимаешь.

– А ты силен, – с уважением проговорил Бобр. – С Трувором на мечях разве что Ольбард совладеет. А ты... пожалел! – Бобр хмыкнул. – Жаль, не видел, как вы бились. Люди разное говорят.

Я не стал уточнять, что говорят люди.

– Дело у меня такое, боярин. Князь твой Гостомысл землю мне пожаловал в Ладогe. Я на ней отстроился хорошо. Жить здесь собирался... Может, еще и буду. Но опасаясь: уйду я домой – Рюрик ее сразу себе заберет. Или он, или варяги.

– Это возможно, – солидно кивнул Бобр. – Варяги нынче все под себя гребут.

– Вот и я о том же. Однако землю эту мне все же не Рюрик пожаловал, а Гостомысл. Не по правде будет, если Рюрик ее захапает. Попроси своего князя, чтоб оградил свое пожалование. Рюрик против тестя не пойдет... Пока, – добавил я многозначительно. – Походатайствуй, боярин.

– За самим домом есть кому присмотреть? – поинтересовался Бобр.

– Холоп мой в Ладогe живет. Кузнец. Он и присмотрит.

Признаться, я в деле «приглядеть» больше рассчитывал не на своего рядного холопа Квашака, а на его сестру Быську. Ух и шустрая девка оказалась.

Особенно по торговой части. Я ее активности не стеснял, хотя она тоже в моей челяди числилась, поскольку принадлежала к семье брата. Пусть порезвится. Во всех смыслах. Был у Быськи недостаток: на передок слаба. Однако в иных деловых переговорах это свойство частенько оборачивалось достоинством. По местным меркам Быська считалась отменной красоткой.

К поставленной задаче Быська отнеслась с пониманием, хотя и забеспокоилась. Мое присутствие в Ладогe отчасти гарантировало им с братом безопасность. Отчасти потому что во время недавнего набега водимировцев они оказались так же беззащитны, как и остальные мирные жители.

Впрочем, они во время набега практически не пострадали. Жил Квашак на отшибе: кузнецов в соседях никто не хочет. Хуже только кожевенники. Так что они успели отреагировать правильно – сбежали. Причем даже инструменты и остатки готовой продукции сумели частью припрятать, частью прихватить с собой.

Предупредив Быську о том, что о нашем скором отбытии следует помалкивать, я вернулся домой и собрал свою маленькую, но могучую армию.

Против ухода никто не возражал. Все уже были в курсе «предупреждения» Ульфхама Трески. И то, что уходить вниз по Волхову, к Ладожскому озеру, которое здешние словене именовали озером Нево, а наши скандинавы называли Альдогой за сходство с морем, уходить туда, на север, было бы опрометчиво, мои парни тоже понимали. Но и южное направление многим казалось не слишком удачным. Потому что друзей у нас там не было. Ни в старом городе, который сменил военного вождя и сейчас оказался под протекторатом Рюрика. Ни дальше к югу. Хотя там, на юге, у нас и недругов не имелось. Более того, скандинавские корабли были там привычны и даже желанны, поскольку неплохо платили за волоки и постой. Медвежонок и Стюрмир ходили на юг под водительством Хрёрека-ярла, тогда еще не обратившегося в князя Рюрика. Доходили до Киева, о котором отзывались вполне позитивно. Собирались идти и дальше, к византийцам, но передумали. Неплохим источником информации мог бы стать Бури, но он предпочитал молчать.

Мои же друзья-скандинавы склонялись к тому, что далеко на юг уходить не следует. Подняться по Волхову до Ильменя, затихариться где-нибудь на пару недель, а потом рвануть в обратном направлении, проскочить Ладогу, с боем, если придется. Вряд ли сторо?жа на волоке сумеет нас задержать.

Но то были планы отдаленные. В первую очередь надо было понять, как мы будем действовать прямо сейчас.

Существенное предложение внес Хавгрим Палица. Он заявил, что уходить надо не в предрассветных сумерках, как полагал я, а существенно раньше. Мол, если бы он был на месте Рюрика и хотел застать нас врасплох, да еще полагал, что мы собираемся удрать, то напал бы именно в это время. Тем более что ночи нынче короткие и легче всего взять противника, когда он находится в состоянии торопливых приготовлений вроде перетаскивания имущества на корабль. Тут с ним не согласились Тьёдар и Гуннар, утверждавшие, что проще всего нападать на врага, когда тот спит. Дав всем вволю подискутировать, я принял предложение Хавгрима. Но внес дополнения.

Я, Вихорек и Бури на драккаре пересекаем Волхов и высаживаемся на противоположный берег с половиной наших лошадей, после чего драккар возвращается обратно. Делаем мы это совершенно открыто, чтобы все видели: мы остались на том берегу. Пусть Рюрик поломает голову. Вдруг решит, что я решил уйти малым отрядом по суше?

Вернувшись в Ладогу, наши начинают готовить «Северного Змея» к дальнему плаванию.

Но не все. Медвежонок со Скиди, тоже верхами, с вьючными коняшками, якобы загруженными под планку, а на самом деле – с туго набитыми соломой и крепко завязанными кожаными мешками, уходят вниз по течению уже по нашему берегу. Такой вот намек «догадливым» людям на то, в каком именно направлении я намерен двигаться.

Ну, а наша тройка на том берегу тоже времени зря не теряет. У нас там аж три схоронки с добычей. Мы их раскопаем и загрузим на лошадок.

Хочется надеяться, что Рюрик купится на финт и пошлет за Медвежонок людей, полагая, что тот выведет погоню и на меня тоже.

Ну и свисток им прямо в... зубы. Свартхёвди с заводными лошадками поскачут быстро-быстро, а ниже по течению еще и переправятся на другой берег. Искать их после этого – нудное и долгоиграющее развлечение. Но даже в том гипотетическом случае, при котором Свартхёвди не сумеет от следопытов оторваться, тоже ничего страшного нет. Не думаю, что Рюрик отрядит для такого дела, как банальная слежка, серьезных бойцов. У них ведь какая задача? Выследить. А потом дать знать командованию, куда мы намылились. И тогда к месту действия подтянутся основные силы. Уже водным путем. Хороший драккар гарантированно обгоняет всадника. А уж по реке да вниз по течению...

В общем, если Свартхёвди не удастся сбросить с хвоста возможную погоню, они со Скиди просто убьют неудачников. А дальше – как договорено.

Итак, пятеро из нас – в бегах, а вот оставшиеся сидят на попе ровно. Ну почти ровно. Потому что закупают кучу снеди, пива побольше и устраивают имитацию пьяного пира.

Мол, начальство свалило, можно и покуролесить.

И куролесят до темноты. А когда стемнеет, скрытно загружаются на корабль и так же скрытно, но тем не менее дав себя заметить, уходят вниз по Волхову.

Но недалеко. Лишь для того, чтобы принять на борт Медвежонка со Скиди. А после этого разворачиваются и чешут уже вверх по реке. И на этот раз делают все, чтобы их не заметили. Затем, часика через два, в заранее оговоренном месте они принимают на борт меня с Вихорьком и Бури.

Такая вот непростая схема.

Возможно, слишком непростая, но я хотел, чтобы мозг у Рюрика загрузился как следует. И чтобы все данные были только о том, что мы отбыли в направлении дома.

А если еще и Бобр поделится неофициальной информацией, то Рюрик в этой мысли укрепитя дополнительно. И уже наверняка прохлопает единственно правильное решение.

Глава 7. Нежданчик

- Идет, - вполголоса сообщил Вихорек.

Я всмотрелся в туманную дымку, плывущую над рекой. Да, что-то такое двигалось.

Бури выдвинулся вперед: лук поднят, стрела наложена на тетиву. Он осторожен, мой загадочный Бури.

Зашуршала листва: одна из лошадок переступила с ноги на ногу.

Темное пятно превратилось в угадываемый силуэт.

Ритмичный плеск. Корабль шел на веслах, мачты в гнезде не было.

Еще минута - и Бури опустил лук. Наши.

Знакомый скрип песка, который промяла защищающая дубовый киль накладка. Задранный к небу нос драккара навис над берегом.

- Вы здесь?

Это Медвежонок.

- Здесь, братишка, - сообщил я.

- Ну так поднимайтесь! - Выдвинутое до самого конца весло коснулось песка.

- Доску сбросьте! - потребовал я.

Бегать по веслу с поклажей мне не улыбалось.

Мое вполне уместное требование вызвало на борту совершенно неуместное веселье.

И спустить доску-трап тоже никто не потрудился. Вместо этого на песок прыгнули Стюрмир и Медвежонок.

– Дай-ка! – Стюрмир взял у Бури двухпудовую сумку, набитую серебром, и без малейших усилий метнул вверх, через борт, где ее поймал Хавур.

Что тут скажешь? Только то, что хорошо быть здоровенным громилой.

У меня не было ни малейших сомнений, что с той же непринужденностью Стюрмир может забросить на драккар и своего хёвдинга. Меня то есть. Причем в полной боевой.

Пока Бури и Вихорек развьючивали и расседывали лошадок, а Медвежонок со Стюрмиром занимались легкой атлетикой с тяжелыми предметами, я воспользовался веслом и взбежал на палубу, где меня встретили остальные члены нашего маленького хирда...

И – одно явно постороннее лицо. Причем очарование этого восторженного личика почему-то совсем не привело в восторг меня.

– Заря! Ты что здесь делаешь?

– Я сбежала! – радостно сообщила мне непослушная дочь Трувора Жнеца.

Вот кто бы сомневался! Ну все. Теперь ее папа с нас точно не слезет. А учитывая, что за папой практически весь могучий варяжский клан...

– Зачем?! – простонал я.

– Хочу быть с тобой!

И тут женская интуиция наконец-то довела до хозяйки: я как-то слабо радуюсь появлению. Все. Нет восторга. Губки дрожат, чудные синие глазки распахнулись еще шире:

- Ты меня не любишь...

- Люблю, - буркнул я.

А что мне оставалось?

- Ах! - Полцентнера изумительной женской плоти повисли у меня на шее. Один поцелуй - и моя стальная решимость отправить девушку к родне превратилась в воск. Причем расплавленный.

- Я сложу об этом песню! - проворковал за моей спиной баритон Тьёдара. - Это будет лучшая драпа из тех, что я написал!

Неужели лучше, чем песнь о Волке и Медведе? Хорошо, что Медвежонок не слышит. Он бы озверел от ревности.

Хотя Тьёдар может. Тем более материал какой благодатный. Тут тебе и ссора с конунгом, и хольмганг с папой-Трувором, которого я, великий и ужасный, не стал добивать исключительно из-за великой любви к его прекрасной дочери.

А какой шедевр можно состряпать, воспевая гнев и горе оскорбленного папаши! И, наконец, какая выйдет кода, когда папаша пустится в погоню во главе могучего хирда родичей влюбленной беглянки, догонит беглецов, прикончит великодушного и страстно влюбленного похитителя (то есть меня), а затем вернет блудную дочь в лоно братской варяжской семьи. Слушатели обрыдаются! Если, конечно, сам сочинитель не угодит под горячую руку и не будет отправлен на уровень выше - попивать истинный мед поэзии, а не сдрыстки Одина, стырившего котелок с поэтическим допингом у громилы Гуттунга[5 - Подробности - в соответствующей саге.].

Я аккуратно отделил от себя Зарю, поставил девушку на палубу и улыбнулся. Если... хм, последствия неизбежны, то имеет смысл расслабиться и получать удовольствие.

- Как прошло? - спросил я у Хавгрима.

- Боги на нашей стороне, - пожал плечами берсерк.

Мол, что за глупые вопросы ты задаешь, хёвдинг?

На палубу забралась Бури с Вихорьком и «грузчики».

Лошадок отпустили. Тех коняшек, на которых закладывали ложные петли Медвежонок и Скиди, нам хватит для ближайших коммуникаций. Если бы мы взяли еще пятерых, на палубе стало бы тесновато.

– Куда теперь, брат? В старый город?

– Почти, – ответил я, решив, что сейчас самое время порадовать мою команду новыми перспективами. – Как думаешь, брат, нам не помешает немного золота?

– Сколько? – встрепенулся Медвежонок. Остальные тоже наострили уши.

– Пока не знаю точно... Но знаю одно местечко. Вроде местного монастыря.

– Откуда здесь монастырь? – удивился Медвежонок. – Здесь на сто переходов окрест единственный человек Христа – наш брат Бернар!

– Я сказал: вроде монастыря, – напомнил я. – Молятся там совсем другому богу. Но нам-то какая разница, если золото – такое же!

– Ты сам его видел? – деловито уточнил Свартхёвди.

– Так же ясно, как тебя сейчас. Даже получше, потому что это был ясный день и никакого тумана.

– А что за боги? – забеспокоился Скиди. – Они не отомстят? Христос-то добрый, всех прощает, а эти...

– С богами я разберусь, – заявил я самонадеянно, тут же удостоившись одобрительных ухмылок моих берсерков и, к моему некоторому удивлению, Бури.

От Зари я узнал кое-какие подробности варяжского «раскола».

Как я и надеялся, Вильд «донес» мои претензии к Трувору до адресатов. И задел вольный народ за живое, потому что память о гибели их молодежи была совсем свежа. До моей информационной диверсии варяги смотрели на ситуацию под совсем другим углом. А вот после...

Получается, что Рюрик (считай, Трувор) сознательно принес их в жертву. За компанию с хирдом Ульфа (меня то есть) – ради своих политических планов. В моей интерпретации – чтоб добычей не делиться. Ни со мной, ни с погибшей и выжившей молодежью. Последнее особенно задело за живое Харру, которому тоже выделили долю на общих основаниях. До моего информационного вброса ему и в голову не приходило рассматривать свою долю отдельно от общей варяжской. А вот теперь пришло. Причем Харра Стрекоза вырос и сформировался в хирде Хрёрека-конунга, то есть – дружине викингов. А там личная доля бойца – это святое. И вот Рюрик эту долю прибрал! И собственный дядя Харры Трувор – с ним заодно! Ваше запаadlo, как сказали бы мои клиенты из прошлого-будущего. Родная кровь – это святое.

Просто так против Трувора Харра ни за что не пошел бы. Но моя интерпретация событий говорила однозначно: Трувор кинул своего первым!

И Харра поднял голос в защиту моей версии.

Вряд ли он сумел бы серьезно пошатнуть авторитет Трувора. Тот все-таки был существенно выше и по званию, и по авторитету. Тем более Трувор тут же парировал претензии племянника, заявив, что Рюрик все долги по финансам закрыл недвижимостью. То бишь выделенными под общеваряжское управление землями и данниками.

Ставить личное над общественным у правильных варяжских пацанов не принято, но тут неожиданно для всех, в том числе и для меня, на сторону Стрекозы встал лучший кореш Трувора Ольбард Синеус.

Надо отметить, что по авторитету, особенно среди бывалых варяжских вояк, Ольбард был ничуть не ниже Трувора. Вполне объяснимый факт: ведь в этой парочке именно Ольбард до последнего времени ходил первым, числился главным кормчим Хрёрекова хирда и получал на одну долю больше своего

родича Трувора, который хоть и был четвероюродным братом Хрёрека, но по совокупности полезных для хирда качеств Ольбарду уступал. Однако здесь, дома, Трувор стал первым, а Ольбард – только вторым. И то, судя по словам Зари, не по праву крови, а «по праву свойства», как она выразилась. Уточнять, что это значит, я не стал. Сейчас эти детали не важны. Важнее, что после смерти варяжского князя Улеба главным становился Трувор. И земли, переданные Рюриком под варяжский протекторат, становились его землями.

О чем Ольбард и заявил со всей варяжской прямоотой. То есть выходило так, что Трувор превратил личную добычу молодежи (и нашу заодно) в свое будущее наследство. Нет, есть, конечно, вероятность, что Трувор помрет раньше Улеба. Ну, или его забаллотировать соклановцы во время ратификации. Потому что наследование наследованием, но варяжское общество обладает правом вето и может не принять наследника, если тот обществу не по нраву. Но это вероятности, так сказать, гипотетические, а пока Трувор – кандидат номер один и никто в порядке престолонаследия не сомневается, ведь Жнец – это Жнец. Круче всех.

Да, я буду князем, не стал отрицать очевидного и желаемого Трувор. Но я – только князь и не ставлю себя выше общества. Так что прибавленные земли принадлежат не лично мне, а всем варягам в целом. Каждый достойный пацан имеет на них право.

Думаю, в этот момент Трувор решил, что переиграл своего кореша. Во всяком случае, после данного заявления оппозиция прикусила языки. Но ненадолго. Ольбард не зря был правой рукой Рюрика в бытность его ярлом и секонунгом. Ой не зря. И выпад Трувора он парировал блестяще.

«Что ж, – сказал он. – Такой подход меняет дело. Раз эти самые земли теперь собственность всех варягов, то лично он, Ольбард, хочет прямо сейчас вступить в управление частью данного имущества. И приглашает всех желающих отправиться вместе с ним, чтобы поставить в известность обитателей нововаряжских земель, что рулить ими отныне не Водимиру и не Рюрику, а славным варягам».

После этого Трувору сказать было нечего. В смысле, ничего существенного. Да Ольбард и не стал больше слушать. Тут же объявил о наборе сторонников, коим немедленно приказал грузить вещички на речные транспортники (на драккар покуситься не рискнул), и отбыл выстраивать вертикаль власти с собой во главе.

И с ним, что особенно обидно для Трувора, отправилась почти вся «старая гвардия», включая и его племянника Харру.

А что уже совсем обидно – к этой же партии присоединился и собственный сын Трувора.

К чести последнего надо отметить: давить на сына авторитетом Трувор Жнец не стал.

Равно как и пытаться силой удержать отколовшуюся честь дружины. Впрочем, с этим как раз было понятно: хрен бы у него что вышло. Так что пришлось вести себя достойно и без проволочек выделить уходящим подобающую долю «общака». Как это принято и у викингов, и у варягов.

Вот так вот! Раз – и сила варяжской поддержки Рюрика как минимум ополовинилась.

А поскольку обвинить в случившемся старого друга Ольбарда Трувор никак не мог, то крайним оказался я. Не скажу, что безосновательно. Однако простить меня Трувор теперь уже не мог. Время отеческого вразумления кончилось. Наступило время смертельной мести.

Но и тут обломилось.

А еще я узнал, что после ухода Ольбарда и нашего, закончившегося ничьей поединка Трувор был вызван на ковер к начальству, которое потребовало от него моей немедленной смерти. Моей и всего моего хирда. Как опасных свидетелей.

Трувор отказался. Заря сообщила мне это не без гордости за правильного папу. Боги сказали свое слово, заявил он Рюрику. Значит, быть посему.

И ушел. Умыл, так сказать руки. Нисколько не сомневаюсь, что Рюрик от решения о нашей ликвидации не отказался. С варягами или без он постарается нас закопать. Несмотря на озвученную Трувором волю богов.

Интересно, узнай Жнец, что его доченька решила выскользнуть из-под отчего крыла, был бы он так богобоязненен?

К общему, слово – это могучая сила, в чем я не раз убеждался. Равно как и в том, что черный пиар работает точно не хуже белого.

Однако Рюрик теперь мой враг. И Трувор тоже. А вот с друзьями на здешней земле у нас плоховато. Я даже не уверен, что буду дружески принят тем же Ольбардом. Потому что это мне Трувор с Рюриком – враги. Ольбард-то с ними не ссорился.

– Ты такой добрый, мой Волчик, такой заботливый...

Не понял. Я же не сделал ровно ничего. Ну совсем ничего. Уложил рядом, накрыл плащом, погладил по спинке... И все. У меня была трудная ночь. И день до того – тоже нелегкий. И предыдущая ночь...

В общем, для любовных игр я был не в лучшей форме.

К тому же, обдумав мое положение в целом и наши с Зарёнкой отношения – в частности, я понимал, что из-за ссоры с варягами оказался не в лучшей ситуации. А побег Зари ко мне еще больше все осложнил. Потому что везти Зарю на Сёлунд не кажется мне правильной идеей. Да, здешнее брачное законодательство разрешает и даже поощряет многоженство. Да, Заря объявила, что согласна на роль второй, подчиненной жены. Но это потому что она – совсем молоденькая и очень романтическая девушка. Моя жена для нее – легендарная воительница из «Саги о Медведе и Волке» и прочих творениях Тьёдара Певца, чтоб ему... Но реальная Гудрун от той, поэтической здорово отличается. И, столкнувшись с той, реальной, не пересмотрит ли дочь Трувора Жнеца свое решение? Не разыграет ли в ней благородная княжеская кровь и несвойственная здешним женщинам дерзость? И не пошлет ли она главенство Гудрун так же, как только что – папашино? Сотворить такое в здешнем обществе, где власть отца – абсолютна? Ну, допустим, она так поступила, потому что меня любит. Безмерно и беззаветно. Как и положено юной девушке. Но что будет с этой любовью, когда она поймет, что Гудрун мне дороже? Ну и я сам совершенно не приспособлен для роли многоженца. Достаточно вспомнить ситуацию, когда мне чуть было не пришлось выбирать между Гудрун и ее

красавицей-матерью. Да я тогда едва с ума не сошел... И огромное спасибо мудрой женщине Рунгерд, что она сама разрулила проблему.

Я знал, что только она... А Заря...

Она очень хорошая. Я даже ее люблю, наверное. Здесь. А там, дома, мне нужна будет только Гудрун. И там милая и дерзкая варяжская девочка сразу отойдет для меня на второй план. Во всех смыслах. Очень сильно сомневаюсь, что дочь Трувора примирится с таким положением. Мало того что вторая, мало того что вокруг все чужие, так еще и единственный любимый я, ради которого она пошла против самого дорогого и важного в этом мире, против отца, против Рода...

В общем, у нее не останется ничего. И будет ей очень-очень плохо. А когда такой, как Заря, очень плохо, то она не станет сидеть в уголке и печалиться. Она будет драться. До смерти.

В общем, если я привезу ее на Сёлунд, то предам всех, кто мне дорог. В том числе и Зарёнку.

Блин! Если бы я мог заранее просчитать все последствия своего бунта против Рюрика, то...

Но я их не просчитал. И это уже в прошлом.

А в настоящем надо думать, как разрулить ситуацию. Но – позже. А сейчас просто радоваться жизни, которую у меня пока что не отняли.

Плеск, поскрипывание, шорох воды под днищем, ровное скольжение по речной воде, запах тины. Треньканье струн, невнятный напев... Тьёдар сочиняет очередную героическую сагу.

– Ты такой ласковый. Я буду тебе хорошей женой. Умру за тебя!

Ну вот, всю жизнь только о том и мечтал, чтобы моя возлюбленная за меня умерла.

– Живой ты мне нравишься больше, – я легонько поцеловал Зарёнку в уголок рта. – Спи, моя хорошая.

Классная все-таки штука – жизнь. Моя жизнь. Моя здешняя жизнь. Никому ее не отдам. Никому.

Мой Волк жарко дохнул в ухо, пихнул влажным носом... Поиграем?

«А как же! Еще как поиграем!» – ответил я, проваливаясь в сон. Ух и...

Глава 8. Недобрые сны

Я летел вверх тормашками, бестолково дрыгая конечностями... Шмяк! Брызги грязи во все стороны. Воздух выбило из легких, но я все равно ухитрился, сгруппировавшись, перевернуться через голову и вскочить на ноги...

И толчок пониже спины швырнул меня вперед с такой силой, что позвоночник взорвался болью.

Бог ты мой! Обезьяна! Ухватила меня грязной лапицей за бороду, пригнула вниз с медвежьей силой. Ну и рожа! Маленькие злые зенки в глубоких провалах глазниц, широченный мясистый нос, нависающий над выдвинутыми вперед челюстями. Пучки рыжих волос на массивном скошенном подбородке. Вырваться даже не пытаюсь. Силища – как у гориллы. Не удивительно – с такими-то плечищами и ручищами. Пальцы-крючья разжались...

И я опять лечу и плюхаюсь в лужу, на сей раз ухитрившись перевернуться в воздухе и упасть на руки. Что, впрочем, не спасает меня от очередной порции грязи, плеснувшей в физиономию.

Первое, что вижу, проморгавшись, – пару кривых толстых ног, покрытых грязюкой до самых колен, и край замызанной когда-то светлой шкуры. Похоже, волчьей.

Последняя мысль мне настолько не нравится, что я стартую из своей лужи, аки бегун на стометровке, и врезаюсь головой... В общем, удачно врезаюсь, потому что лапы кривоногого вцепляются не в меня, а в пострадавшие бубенцы. Я вырываюсь на оперативный простор и только теперь понимаю, что мною, оказывается, только что играли в веселую игру, называемую «найди пятый угол», шестеро обезьяноподобных уродов.

«Бежать!» – приходит паническая мысль. Хотя мой организм и без всяких мыслей знает, что делать. Потому что я уже бегу, причем не прямо, а хитрым зигзагом.

И не зря. В дерево справа и впереди с хрустом втыкается томагавк. Ну или что-то типа томагавка. Узкая каменюка с дыркой, в которую вставлена короткая палка, примотанная для надежности ремнем.

Не раздумывая, я вцепляюсь с деревяху сразу двумя руками (потому что знаю, что одной не вытащить), дергаю изо всех сил и становлюсь обладателем ОРУЖИЯ. Мой ум осознает, насколько оно убого, но организму так не кажется. Он – ликует.

Я разворачиваюсь к «обезьянам», грозно взмахиваю уродливой каменной тяпкой... И выскользнувший из кустов Волк (живой!) толкает меня плечом и стремительной тенью скользит между деревьями. Намек понят. Бой принимать не будем. Я показываю нехорошим парням спину и мчусь следом, уже зная: они не станут за мной гнаться. Не потому, что я бегаю быстрее (а это так), а потому что они уже получили что хотели.

От этой только что пришедшей мысли я сразу останавливаюсь. Мои подошвы скользят по мокрой хвое, язык во рту сворачивается хитрым образом... Негромкий свист – и мой Волк возвращается. Садится напротив, вываливает язык, глядит укORIZненно.

Но я не могу бежать. Один – не могу. Мне надо вернуть то, что у меня забрали. И я ее верну! Порву всех чудовищ! Разобью их толстые черепа, сожру их мозг и печень!

Хриплый рык вырывается из моей груди.

Волк глядит осуждающе. Но меня он не бросит. Хотя помощи от него ждать не стоит. Он храбрый, мой Волк. Не боится ни медведей, ни зубров. Но эти – намного опаснее. Потому что они убивают всех: и медведей, и зубров, и огромных, как поросшие черным мхом валуны, волосатых носорогов. Они ломают их кости дубинами, пробивают черепа томагавками, похожими на тот, что сейчас у меня в руке, насаживают на обожженные на огне острия копий.

У нас тоже есть копья. Но нет такой силы, чтобы пробить толстую мохнатую шкуру и достать до сердца. Поэтому у них всегда вдоволь мяса, однако они непрочь полакомиться и дичью поменьше. Например, нами...

* * *

Блин! Ну и кошмар приснился.

Я аккуратно выбрался из-под прикорнувшей на груди Зарёнки и укрывавшей нас от солнца импровизированной плащ-палатки.

На палубе – пусто, если не считать нас с Зарёй и Вихорька, задряхшего на мешках с припасами.

«Северный Змей» стоял на швартовах то ли в протоке, то ли в небольшом заливчике. Вид на Волхов удачно заслоняли заросли камыша, так что заметить с реки наш кораблик было непросто.

А где моя команда?

Я вспрыгнул на скамью.

Ага. У моего хирда жизнь явно удалась. Господа викинги изволят обедать. На берегу. Это я удачно проснулся!

Потянувшись с хрустом, я прихватил боевой пояс с Вдоводелом и, держа имущество над головой, махнул с борта на мелководье...

...Где и провалился в тину по самые... хм... ягодицы.

Сделав вид, что гнусные ухмылочки некоторых хирдманов ко мне отношения не имеют, я выбрался на песок, скинул портки, ополоснулся сам, потом выполоскал, отжал и натянул штанишки.

«Пора завтракать... То есть уже обедать!» – напомнил мне желудок.

Внемлем же зову плоти. Подвинув Скиди и Тьёдара, я уселся на бревнышко напротив тлеющих угольев. Мне тут же сунули в руки внушительную лохань с пивом. М-м-м... Неплохо! А что это мы едим? О! Рыбка! И ребрышки!

– Вкусно! – похвалил я. – Мы как, отдыхаем или прячемся?

– Всё разом, – ответил Медвежонок, передав лохань с пивом соседу Стюрмиру. – Ульфхам Треска со своими вверх по Мутной прошел. Мимо. Нас не заметили.

Надо же как тут интересно было, пока я спал. Получается, что все мои хитрости – гусю под гузку?

– А вы, значит, заметили? Или догадались?

– А что тут догадываться? – пожал плечами Хавгрим Палица. – Ты бы сам как на их месте поступил?

Ну да. Очень опасно полагать противника глупее себя. Если у него хватает сил, чтобы проверить все направления, так почему бы и не проверить?

– Один драккар? – уточнил я.

– Снекка, – в свою очередь уточнил Палица. – Да, одна. Гуннар их издалека заметил.

– А они нас – нет?

– Мы поглядывали, братец, – Медвежонок ухмыльнулся во все зубы. – Мы поглядывали, а они – нет. Мы три раза к берегу подходили, высаживались, где дерево повыше, а Гагара наверх забирался. Он зоркий, Гагара. Так что загодя и Ульфхама разглядел, и бухточку эту – укрыться.

Ну да. Корабли викинги распознают, как я – знакомое оружие. Хотя не удивлюсь, если он и самого Ульфхама Треску за кормовым веслом углядел. За пару километров. Глаза у Гуннара Гагары – как у орла. Кабы стали ему зрение проверять, наверняка оказался бы из тех, кто на плакатике тестовом самую последнюю строчку читает. Ту, где «напечатано в типографии...». Глаза и мозги. И удача.

Из трех норегов, что когда-то ко мне присоединились, только он и остался. То есть так-то норегов у меня двое, если скальда считать, но Гагара, он давний. Через многое со мной прошел. Опытен, сметлив, верен, боец из лучших. Всем бы хорош, если бы не изрядная даже для викинга склонность к садизму.

– Гуннар насчитал у них на палубе – десятков шесть, – продолжал Медвежонок. – Большинство – дренги, так что если врасплох взять, можем и побить. Но не хотелось бы.

Согласен. По обоим пунктам.

– Быстро шли, – сказал Свартхёвди. – Быстрее нас. На руках – по двое.

Ну да. «Северный Змей» – кораблик хоть куда. Только гребцов у нас маловато.

– Надо – догоним, – флегматично сообщил Хавгрим, утирая бороду. – Ветер поднимается. Надо?

Я покачал головой.

Можно не сомневаться: прикажи я догнать и атаковать численно превосходящего противника, так и будет. Но ни Хавгрим с нашими бывшими сопалубниками, ни молодняк Хрёрека нам не враги. Или – нет? Разве не пообещал Ульфхам отправить меня на ту сторону вечности, если конунг прикажет?

Так или иначе, но нам с данами Рюрика не по пути.

– Как пообедаем, ставим парус, – распорядился я. – А потом всем отдыхать. Сам у кормила постою.

Река – не море, но любая практика мне не помешает.

Проснулась Заря. Вспрыгнула на борт, потянулась сладко, балансируя...

Угу. Мой молодняк сразу слюни пустил. Да и не только молодняк.

– Любят моего братца бабы, – не без гордости сообщил народу Медвежонок. – Вот за что, понять не могу.

– Не ты один, – подхватил лакомую тему моей внешности Хавгрим Палица. – Чернявый, мелкий, стручок у него... Стручок и есть. Колдовство, видать.

– Ага, – проворчал я. – Кое-кто, между прочим, меня из Черноголового в Белого переименовал. Уж не ты ли, Хавгрим?

Зарёнка прямо с борта ловко спрыгнула на песок, присела у воды, умываясь. Сделала вид, что не слышит. Но слушала о-очень внимательно.

– Потому что тот, кто прозвал тебя Черноголовым, сути твоей не видел! – проворчал Палица. – А я – видел. И назвал. Невелика хитрость – увидеть собственными глазами. А вот мать его, – кивок в сторону Медвежонка, – она, да. Она умеет видеть куда как дальше. Это ведь она тебе имя дала, Медвежонок?

– Она, – подтвердил Свартхёвди. – Моя мать в колдовстве ой как сильна. Вот, помню я, очередной женишок ее допекал. Пять раз в гости приезжал, говорил, что жениться хочет. Допёк нас, сил нет. Одного пива нашего выдул бочонка два, не меньше. Так надоел, что она на штанах его руну перевернутую пальцем нарисовала, пошептала чуть – и уд у женишка сохся.

– Жестоко, – проворчал Хавгрим. – Лучше б ты сам женишка отвадил.

Свартхёвди захохотал.

– Кабы я его отвадил, пришлось бы виру платить, а так он сам матушке полные сани добра привез, чтоб сняла наговор. Она сняла, понятно. Но слух о том по всему Сёлунду разошелся. С тех пор у матушки и женихов поубавилось, а

желающих обмануть ее в делах и вовсе не стало.

– Это да, – Хавгрим покивал с пониманием. – Женское колдовство – страшное. Я вот хоть и Одина воин, и то поостерегся бы. Но у хёвдинга нашего – другое дело. Вот взять меня. Любая баба такому, как я – рада, и это понятно, – Палица приосанился, расправил плечи. – Но чтобы вот так от отца убежать... Может, ты, Ульф, уд чем-то таким особым смазываешь? Так ты от друзей не таи, нечестно это.

– Не в мази дело, – подал голос Тьёдар. – Это, Палица, любовь называется.

Берсерк фыркнул, но спорить не стал. Тьёдар – скальд. Скажешь, не подумав, а потом уже поздно. Человека-обидчика убить можно, а песню как убьёшь?

Торопиться с отплытием мы не стали. Пусть погоня уйдет подальше. Свартхёвди вывалил на палубу содержимое сумок, и они с Хавгримом и Тьёдаром принялись в очередной раз делить добычу. Прочие с удовольствием наблюдали. Нет для викинга большей радости, чем пересчитывать награбленное. Ну разве что сам процесс грабежа.

Бури кликнул Вихорька – заниматься стрелковой подготовкой. К ним, предварительно испросив у меня разрешение, присоединилась Заря.

А я присел на пенек и попытался восстановить в памяти то, что произошло сразу после моего появления в этом замечательном мире. В частности, тот эпизод, когда меня чуть не принесли в жертву местному идолу. И принесли бы, если бы мою кандидатуру не забраковал «отдел кадров» в лице главного жреца. «Этот богу не годен», – объявил служитель кровавого культа. А вот мне его бог может очень даже пригодиться. Для укрепления авторитета. Ибо ничто так не повышает уважение к вождю, как драгметаллы, добытые под его мудрым руководством. Хорошая, кстати, тема. А ведь у меня еще одна наводочка имеется. От раба-сварга, которого я прикупил этой весной. Больше добычи – выше рейтинг. А это – возможность увеличить мой маленький хирд не сопливым молодняком, а квалифицированными убийцами. Такими, например, как тот же Оспак Парус. Или Вигмар. Или недовольные политикой Трувора варяги. Вот найти бы мне общий язык с Ольбардом Синеусом и его командой...

Ну, пока это только мечты. Но если мне удастся доказать свою удачливость и придумать общую идею, которая покажется варягам прибыльной, почему бы и нет?

Чем привлекателен для дружины Рюрик? Тем, что подгребает под себя данников и готов делиться доходом со своими парнями. Ну и еще он вождь по крови, а не по боевым заслугам, как я, например. Однако, если у меня будет под рукой хотя бы полсотни добрых хирдманов, почему бы мне тоже не занять какую-нибудь ключевую точку на великом водном пути с севера на юг и обратно? Какое-нибудь козырное укрепление в ключевой точке. Взять под контроль важный волок...

Хм-м... А не скучно мне будет сидеть на одном месте? Тем более что стать правильным ярлом я мог бы и под рукой Ивара Бескостного. Поучаствовать в захвате английских мелких королевств или даже крупных французских и получить не только графский ленд, но и могучую «крышу» в лице старшего Рагнарсона. Нет, английское или французское графство – это тоже как бы не моя мечта. Повоевать под знаменем Ворона – это да. Это весело. А отжимать дань у английских или французских трэлей... Нет, это не мое.

А здесь? Здесь-то не Англия. Здесь – родная земля как-никак. Если я не хочу стать ярлом под рукой Ивара, то как насчет здешнего княжения? Хочу ли? А шут меня знает. Мне б с проблемами разобраться. С даром своим воротооткрывательным. Сейчас бы отложить все дела, взять за локоток Бури и порасспросить толком...

Но некогда. Все бегаю, бегаю. То за кем-то, то от кого-то...

– Хёвдинг! Мы с Хавуром за мясцом сбегаете?

Скиди. О чем это он? А... Поохотиться.

Ну да, свинка, которой мы пообедали, еще недавно желудями хрумкала.

– Сбегайте, – одобрил я, совершив тем самым серьезную ошибку.

Потому что были мы не на пикнике, а в бегах. И гоняли нас парни очень даже серьезные.

Глава 9. «Слейпнир» и его команда

На сей раз драккар узнал даже я. Эту драконью башку раз увидишь – не забудешь. Резали ее настоящие мастера и со всем возможным старанием. Понятное дело. У Сигурда Рагнарсона не забалуешь.

– И верно «Слейпнир»! – с восхищением произнес Медвежонок. – Какое правильное имя!

«Слейпнир», значит? А я и не знал. Хотя ожидаемо. Драккар без имени – так не бывает.

А уж такой и подавно. Ух и красив! Настоящий морской дракон, бесшумно парящий над водами. Вернее, морской конь. Вот разве что ног у него побольше восьми[6 - Слейпнир, конь Одина, согласно мифологии, обладал двойным набором ног.].

Варяги.

Явились не запылились.

Шли они под парусом, убрав весла. Но шли хорошо. Пожалуй, мы бы от них и на веслах не ушли. Я нутром чуял, как шарят по обоим берегам Волхова цепкие взгляды.

Вопрос: почему они здесь, а не пенят воду Ладоги, выискивая нас там, где нас нет?

Нет, лишний вопрос. Уже не актуальный. Правильный же: заметят ли они протоку, в которой мы укрылись? Нет, это тоже неверный вопрос. Понятно, что заметят. А вот станут ли проверять?

Ответ: очень вероятно.

Вход в протоку – непростой. Виден только тогда, когда ты ее уже миновал. Но – виден. И как бы аккуратно ни провел Медвежонок «Северного Змея» по узкой водной дорожке, но сколько-то там стеблей наверняка поломал. Внимательный глаз такого не пропустит.

Значит, будет драка. С варягами. Как раз то, чего я хочу избежать любой ценой, ведь пока между нами нет смертей, а только амбиции и обиды, ситуация все еще обратима.

А если случится настоящая заруба, дороги назад уже не будет.

Хотя ее по-любому не будет. Если Трувор до нас доберется, то, скорее всего, в этих камышах и закончится наша дорога славы.

А раз так, то найти нас он не должен. Надо сделать что-то такое, чтобы они переключили внимание на нечто более весомое, чем помятые камыши.

Кое-какой запас времени имеется. Это уже хорошо.

Я поглядел на Медвежонка. Свартхёвди Сваресон был невозмутим. Даже доволен. Он всегда доволен, когда предстоит как следует подраться. И расклад один к шести-семи его не смущает. В отличие от меня. В моем хирде – крутейшие парни. Но не все, к сожалению.

Варягов надо отвлечь. Подсунуть им раздражитель посерьезнее поломанных камышей. Например, подстрелить кого-нибудь. Этак с полутора сотен метров. Бури сможет.

Вот только такой выстрел мало что изменит. Мне ведь надо не просто обратить на себя внимание, но и заставить пройти мимо нашей протоки.

Думай, Коля, думай!

С камня, на котором мы стояли, был виден не только идущий вверх по Волхову драккар, но и минимум по километру побережья с обеих сторон. И конечно, протока, в которой прятался «Северный Змей».

Значит, что нужно? Нужно место ниже по течению, с которого можно выпустить ту самую обидную стрелу. Причем так, чтобы стрела эта была никак не связана с нами. Случайный выстрел случайного человека. Который стрельнет – и наутек. По берегу. Вверх по течению. Такой выстрел, чтобы варяги точно погнались и проскочили мимо протоки. А дальше – по обстоятельствам.

Сколько у нас времени? Драккару до нас идти минут двадцать. Все же Волхов – река быстрая.

Да, определенно можно успеть, если поторопиться.

– Ты куда? – крикнул Медвежонок, обнаружив, что остался на наблюдательном посту в одиночестве.

– Я их отвлеку! – крикнул я, сбегая вниз и поспешно обуваясь. – Верни Скиди с Хавуром. Они за мясом пошли.

Случайный выстрел. Возможно, не один.

Стрелы, мне нужны стрелы. Правильные стрелы. Не боевые. Откуда у случайного человека боевые стрелы.

Я взлетел на палубу драккара. Вопросы игнорируем. Некогда.

Так. В этом бочонке точно стрелы. Вот связки, которые мне нужны.

– Бури! Вихорек!

Удачно, что оба здесь и полностью экипированы.

– Держите! – Я сунул каждому по толстому пучку разносортных стрел. – Взяли оружие – и со мной.

Команда дана. Команда выполнена. И никаких вопросов.

Хорошо быть вождем.

Но не со всеми работает.

Заря.

- Ты куда?

Пришлось потратить полминуты на объяснение.

- Я с тобой!

- Что, в своих стрелять будешь?

- Буду!

Глядит упрямо, я бы даже сказал: непреклонно.

Ну, это ее решение. Спорить некогда. И лишний лук не помешает. Стрелять девушка умеет получше меня, а вот времени – с гулькин... нос. Драккар идет вверх по течению со скоростью километров семь в час. Это как раз и есть скорость бега по пересеченной местности. При необходимости можно и быстрее. Необходимость – есть. Нам ведь не только обогнать его надо, но и найти подходящие позиции. Минимум две. Одну – для приманочного выстрела. Ну эту я уже присмотрел. Вторую – для того чтобы закрепить успех. И сделать все так, чтобы никак не связалось с беглыми нами. Чтобы выглядело как инициатива, а еще лучше – глупость каких-то посторонних людей.

И я знал, как это сделать!

- Брат! Не уходите никуда. Мы их отвлечем. Я знаю как.

Медвежонок кивнул. Тоже никаких вопросов. Он мне доверяет. Мне бы теперь не обмануть его доверие...

Идею подсказали мне сами варяги, не снявшие с носа драккара свирепое чудище. То есть обозначили, что находятся в боевом походе.

Правда, на парусе у них – красный сокол Рюрика, знак законного сопровителя Ладуги. Так что любому осведомленному человеку понятно, ху из ху, как сказали бы потомки моей наложницы Бетси.

Но ведь далеко не все – осведомленные. Простые земледельцы, живущие в здешней глуши, могут быть и не в курсе, верно?

А если не обращать внимания на растопырившегося сокола, то что у нас есть? Типичный нурманский драккар. В боевом формате. То есть разбойничье-грабительском.

В общем, план у меня сложился. Оставалось только подыскать подходящие для его реализации места.

То есть все, что от нас сейчас требуется, это быстрота и немного везения.

Нам повезло. Мы и успели, и нашли.

Выбранная мной первая позиция располагалась на пару сотен метров ниже по течению. Высокий берег, густо заросший кустарником. С воды нас на берегу фиг разглядишь. А вот вход в протоку, через которую в речной «отнорок» вошел «Северный Змей», можно заметить запросто.

А заметить не должны. И для этого на берегу укроемся мы втроем: то есть я, Бури и Заря.

Если мой план сработает, то варяги станут куда менее внимательны к деталям береговой линии. Я не сомневался: если мы правильно разыграем первый акт представления, то все внимание «благодарной» аудитории тоже достанется нам.

Вторая позиция, располагавшаяся еще выше по течению и предназначенная для исполнения второго акта моей пьески, была изучена только издали, но на расстоянии казалась вполне подходящей для задуманного представления. Здесь я планировал спектакль одного актера. В главной и единственной роли должен был выступить Вихорек. Ну, мы тоже, если успеем вовремя, сыграем свои

партии, но, так сказать, из-за кулис.

Всё. Актеры заняли места и приготовились к представлению, то есть засели в прибрежных кустах и с нетерпением ожидали, когда варяжский драккар войдет в зону уверенного поражения для посредственного стрелка, то есть на дистанцию примерно пятидесяти метров.

С такого расстояния «так себе стрелок» вроде меня почти гарантированно поражает взрослого оленя. То есть в принципе поражает. В точку «куда попадет».

А вот стрелок класса Бури на такой дистанции способен муху к мачте прибить.

Однако меткий выстрел – только первый этап моего замечательного плана.

Второй этап – истошный девичий вопль: «Мамка, нурманы идут!»

Эта часть – за Зарей.

Мне же, как и положено режиссеру, чьи актерские и стрелковые способности весьма посредственны: общий контроль и руководство.

Итак, выстрел и вопль. Засим мы под бодрый аккомпанемент девичьего соло: «Нурманы! Нурманы! Беги! Спасайся!» проворно перемещаемся вдоль берега.

И если я не ошибся с коллективным психологическим портретом варягов, то парни на драккаре перестанут сканировать берега и рванут за нами параллельным курсом.

К позиции два, откуда вход в заветную протоку уже никак не разглядеть.

Позицию два я выбирал так, чтобы она пришлась по душе жаждущим мести воинам. То есть это был пляж, на который можно запросто высадить десант.

Нас это место тоже устраивало, потому что здесь имелся высокий берег и лес, подходящий к самой его кромке. Очень удобно, чтобы обстрелять высаживаемый десант, а потом незамеченными ретироваться в чащу.

А чтобы окончательно убедить варягов, что это не засада, а глупая самодеятельность безмозглых смердов, острому взгляду варягов будет представлен удирающий в панике «местный житель», которого остается только изловить, допросить и выяснить, кто заплатит за причиненный ущерб.

В роли аборигена должен был выступить Вихорек. Я велел ему раздеться до порток, разуться, спуститься к воде и ждать голосового сигнала «Беги, спасайся!», возвещающего начало спектакля.

По этому сигналу мой сын должен не слишком поспешно (чтобы его успели заметить) вскарабкаться наверх, где проворно привести себя в подобающий воину вид и ждать нас.

А потом мы уже в четыре лука немного остудим пыл жаждущих мести варягов, при этом старательно избегая смертельных исходов.

Дальше действуем по обстоятельствам.

Наилучшим развитием событий был бы вариант, в котором варяги наплевали бы на глупых смердов, перепутавших их с нурманами, забыли о пролитой крови (никого же не убили), загрузились обратно на драккар и двинули куда шли, то есть вверх по течению. А мы кратчайшим путем возвратились к «Северному Змею» и двинулись в обратном направлении.

К сожалению, этот исход маловероятен. Скорее всего, погоня будет, и нам придется от нее уходить.

Вряд ли отряд преследователей будет большим. Не больше дюжины, я полагаю. Приструнить смердов – более чем достаточно.

В этом случае мой план был почти таким же: вернуться к «Северному Змею». Однако уже не напрямик, а заложив большую петлю.

Если не удастся оторваться, то мы просто приведем группу преследования с собой. Надеюсь, в этом случае на нашей стороне будет не только качественный, но и количественный перевес. И удастся разойтись без драки. Особенно если в числе преследователей не будет самого Трувора. Я собирался твердо держаться прежней линии. Я не воюю с варягами. Напротив, мы на одной стороне. Мы несправедливо обижены Рюриком, а варяжские отроки и вовсе погибли по его вине. А если Трувор утверждает другое, то лишь потому, что либо подкуплен, либо обманут Рюриком. Потому моя отдельная просьба к Бури: попытаться подранить варяжского лидера. Вешать на оппонента всех собак гораздо легче, если тот не может тебе возразить. В общем, Рюрик – плохой, Трувор – тоже не лапочка, а мы, напротив, мирные и пушистые, если не гладить нас против железной шерстки.

Ну да, в картину нашего миролюбия как-то не укладывается обстрел варяжского драккара. Но кто возьмется доказать, что стреляли мы, а не какие-то потерявшиеся в лесах смерды?

В том, чтобы доказать нашу непричастность, я проблем не видел. Равно как и в том, что сама местность никому из нас не была знакома. Когда есть такой серьезный ориентир – сама река, сбиться будет трудновато. Чего я опасался, так это того, что отправившиеся в погоню варяги приглядятся как следует к нашим следам и распознают, что наша обувь слишком хороша для лесовиков.

Вот тогда положение усложнится, потому что преследователи станут намного осторожнее и, очень возможно, пошлют за подкреплением.

Вывод: если за нами увяжется погоня, мы должны оставлять как можно меньше следов и сам след должен быть горячим. Тогда преследователи не станут обращать внимания на мелкие детали.

Но это – потом. Будем решать проблемы по мере их возникновения. Сейчас наша главная задача – увести варягов от протоки, в которой укрылся «Северный Змей».

Если на нас выйдет вся варяжская дружина, то миром разойтись уже не удастся. Численный перевес противника весьма затрудняет мирные переговоры с ним. А бросить корабль со всем хранящимся на нем имуществом...

Трепетное сердце моего брата таких убытков не перенесет.

В общем, готовимся к худшему, но поступаем как должно.

То есть сидим и ждем, когда в секторе обстрела возникнет знакомый парус. И тогда слово за снайпером. Вот уж в ком я точно не сомневаюсь.

Бури сработал изумительно. Сделал даже больше, чем я ожидал.

Как только из-за поворота показалась драконья голова, а вслед за ней парус с красной птичкой Рюрика, над которым располагался главный варяжский наблюдатель, как Бури моментально всадил ему стрелу в ляжку. А следующей стрелой, уже под пронзительный вопль Зари «Нурманы!!!», пришил к борту ладонь кого-то из варягов. Причем оба выстрела – не элитными стрелами для особо меткой стрельбы, а самыми обычными охотничьими. Наблюдателя – срезом, а руку – вообще двузубой стрелкой для птичьей охоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Хав – море, грим – шлем.

На всякий случай напомним скандинавскую воинскую табель о рангах, которой я пользуюсь. Нижний уровень – дренг. Это примерно соответствует древнерусскому отроку. Хускарл – это на ступень выше. Примерно как гридень. В более поздние времена хускарл – это телохранитель короля или ярла. Хольд – это младший командир. Обычно с правом на две доли добычи, а не одну. Хольд может быть кормчим, и тогда он получит уже не две, а три доли. Надбавка за профессию. Кормчий также занимается хозяйственным обеспечением, хранением общей казны, оружия, куплей-продажей. Этаким суперкарго по совместительству, а в первую очередь – правая рука капитана. Капитан – это уже хёвдинг, вождь, «большой папа» воинского подразделения-хирда. Он – судья-законоговоритель и главный жрец хирда. И главный атрибут такого вождя не сила (хотя сила тоже важна), а удача. Если вождь – любимчик богов, то вся банда тоже в шоколаде. Если боги к нему не расположены, то – беда. И однозначное указание: лидера пора менять. Вожак викингов может называть себя также «морским», то бишь безземельным, ярлом. И даже «морским» конунгом-секонунгом, если у него под началом несколько кораблей. Дружина-хирд такого лидера – это сыгранная боевая команда хирдманов-дружинников, действующая как единое целое и в бою, и в плавании. Эквивалент рода, «патриарх» которого и есть вождь. Оговорюсь: это не единственное возможное толкование вышеперечисленных терминов. Более того, их значение со временем менялось. Однако для удобства и своего, и читателей я буду пользоваться именно такой их интерпретацией.

Скоген Лифер, Плотный Туман – так скандинавы называли Ирландию.

Вообще-то данную фразу приписывают основателю ордена иезуитов, но герой вправе об этом не знать.

5

Подробности – в соответствующей саге.

6

Слейпнир, конь Одина, согласно мифологии, обладал двойным набором ног.

Купить: <https://telnovel.com/aleksandr-mazin/korol-na-gore>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)